

Валентин Бадрак

Стратегии счастливых пар

Валентин Бадрак

Стратегии счастливых пар

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4897440
Стратегии счастливых пар: Фолио; Харьков; 2009
ISBN 978-966-03-4748-9

Аннотация

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», – утверждал классик. Но нет правил без исключения, подтверждение тому – герои этой книги. Николай и Елена Рерих, Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, Андрей Сахарова Елена Боннэр, Михаил и Раиса Горбачевы, Софи Лорен и Карло Понти – все эти незаурядные личности схожи в одном: они смогли распознать свою «половинку», научились любить и счастливо жить вместе.

Эта книга – не набор рецептов, обеспечивающих успех в личной жизни, но рассказанные истории позволят понять, как найти свою любовь, в чем именно заключается счастье быть вдвоем и почему совсем не страшно стареть рядом с человеком, которому, вслед за Сахаровым, хочется сказать: «Ты – это я! Жизнь продолжается. Мы вместе».

Содержание

От автора	4
Вместо введения. Эволюция любви	7
Глава 1 Счастливые пары	12
Николай и Елена Рерих	12
Пришельцы с планеты возвышенных желаний	12
Семейное моделирование по Рерихам	17
Пара, способная к синтезу	21
Двойная миссия	25
Альберт Швейцер и Елена Бреслау	29
Ключ от сокровищницы внутренних миров	30
Зрелая доктрина любви	34
«Тринадцатый апостол Христа»	38
Михаил и Раиса Горбачевы	43
«Половинки»: найти и сложить	44
На беговой дорожке Жизни	48
Любовь, преломленная во времени	53
Мстислав Ростропович и Галина Вишневская	58
Выходцы из советского подземелья	59
В вихре неземной любви	63
Миссия в музыке или миссия посредством музыки	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Валентин Бадрак

Стратегии счастливых пар (Антология любви)

Любимой жене Татьяне, которой принадлежит идея этой работы, посвящается

От автора

Если когда-нибудь, гоняясь за счастьем, вы найдете его, то, подобно старухе, искавшей свои очки, обнаружите, что счастье было все время у вас на носу.

Бернард Шоу

Несмотря на то что цивилизация неуклонно и со свойственным ей цинизмом разрушает вековые устои, хищнически подкрадываясь к самому сокровенному – любви, извечная борьба инстинктов жизни со стремлением к смерти приводит человека к осознанию необходимости найти спасение от хаоса в семье. С установлением новых идеалов в виде осознанного одиночества или однополый любви человечество несет крупные потери, однако миллионы людей по-прежнему стремятся создать прочный союз и отыскать свою «половинку».

На тему любви и счастливого брака написаны тысячи томов, но данная книга несколько отличается как от романтических историй о стрелах Амура, так и от теоретических трактатов. Прежде всего опорой на реальный опыт лучших пар, интимную сторону жизни тех известных личностей, имена которых оказались записанными на скрижалях истории. Эта книга – не сборник историй о любви, а попытка бесстрастного анализа межличностных отношений выдающихся людей, их полоролевых и социальных моделей взаимоотношений как между собой, так и с окружающим миром, созданных ими внутрисемейных законов, т. е. той части жизненной стратегии, которая обеспечила им ощущение счастья и гармоничное «плавание» в беспокойном море технократического хаоса и суеты, которое мы называем современным цивилизованным миром. Это та сторона их бытия, которая часто несправедливо опускалась при рассмотрении творческого пути и достижений великих личностей и которая, будучи неотъемлемой частью их внутренней природы, порой волнует наблюдателя больше, чем сами их достижения. Наконец, это то человеческое, без которого, возможно, не было бы их достижений, то земное, что позволило возвышенному взмыть ввысь и осветить все вокруг, а непостижимому проявиться, как на фотоплёнке. Интимный мир каждого выдающегося человека является его тенью, и мы последуем за ней.

Существенным отличием этой книги от аналогичных является осознанный выбор в качестве героев тех пар, в которых мужчина и женщина представляют самодостаточные цельные образы, богатые, независимые и неповторимые. Порой это созвездия навечно влюбленных, а иногда их искренне проявленные чуткость, привязанность, нежность при известных обстоятельствах служат сильным и самобытным людям заменителем любви. В этой книге нет места идеализму: читателю предлагаются известные исторические личности, освобожденные – порой беспардонно, как при чистке овощей, – от священной кожуры гениальности, от бесконечного налета величия. Тут жизнь без пафоса – с бытовыми сложностями и насущными проблемами, преодоление которых также является частью стратегий достижения духовного равновесия, гармонии и счастья. В этой книге читатель не найдет сборника универсальных рецептов для построения счастливой семьи, но стратегии выдающихся твор-

цов помогут ему не попасть в ловушку собственных иллюзий, отказаться от ложных надежд и начертить такую линию взаимоотношений между полами, которая может стать предвестником долгой и успешной семейной жизни. Пары обретают счастье, если этого очень сильно желают двое; деятельность одного бессильна при безразличии второго.

Нельзя не сказать несколько слов о критериях подбора героев книги. Хотя можно отыскать множество счастливых пар, обитающих среди обыденного и наслаждающихся тривиальными ценностями, их незамысловатое счастье едва заметно для окружающих. Нередко с простодушной наивностью полевых цветов оно пробивается сквозь душные и по-военному стройные ряды сорняков. Это неземное ощущение подвластно каждому желающему – любви можно и нужно учиться, не озираясь по сторонам. И все же для исследования семейной жизни под микроскопом, для беспристрастной попытки наглядно продемонстрировать важные общие черты счастливой семьи необходимы известные имена, личности, которые человечество знает по другому поводу, но которые нелишне было бы узнать и с иной, не выпячиваемой стороны. Всегда полезнее учиться на примерах выдающихся персонажей, хотя бы для отказа от повторения глупостей, совершенных титанами, приведших их к душевным потрясениям, несчастиям и даже обрыву личной жизни.

В ходе исследования обнаружился изумительный парадокс: все истинно счастливые пары состояли из самодостаточных, развитых, раскрывшихся личностей, сформировавших свое счастье путем мудрого сложения, как в игре, где хитроумно складываются пазлы. Действительно, работа над созданием счастливой семьи сродни труду, направленному на построение успешной личности, поэтому не бывает счастливых пар, составленных из личностей ленивых, недоразвитых и деструктивных.

Может показаться удивительным, но известные исторические личности, которым удалось создать счастливые союзы, вовсе не изобрели эликсир семейного счастья: по-настоящему идеальная пара по-прежнему та, в которой мужчина и женщина прошли путь распознавания и обретения друг друга, обязательного личностного роста и совместного старения, а об этом люди знали еще много веков тому, когда мир был юн. Тем более поразительно, что, зная эти покрытые мхом времени истины, человек упрямо продолжает идти дорогой ошибок. Может быть, выкристаллизованные жизненные линии непререкаемых авторитетов истории позволят под другим углом взглянуть на то, *как именно* можно найти и распознать личность, способную научиться любви; *в чем именно* может заключаться рост личности и *почему* стареть рядом с родным человеком, у которого сердце наполнено любовью, не страшно. В каждом этапе жизни обнаруживаются свои прелести, и исполины, являвшиеся в этот мир, сделали лозунгом мудрых утверждение: «Счастье возможно!»

Эта книга предназначена для самой широкой аудитории – для тех, кто готов бороться за свою личность, за счастье своих близких, кто отважится признать величие истинной любви, и, наконец, для тех, кто с гордостью намерен голос своей души поставить выше шумного шуршания мнимых кумиров, кощунственно воспевающих не-любовь. Каждому человеку не поздно безразличию противопоставить взаимопонимание и чуткость, заменить отчужденность участием, разочарование победить новой верой, а все мерзкое очистить любовью. Каждый способен на подобную «перезагрузку» своей собственной «информационной системы». И тогда необъятное космическое чувство, как гигантская очистительная станция, переработает любой психический мусор в радость жизни. Но чтобы запустить этот волшебный завод невиданной мощности, нужны внутренние усилия. Хочется надеяться на то, что опыт лучших пар позволит уменьшить ряды разуверившихся в любви и испытать самое восхитительное и самое волшебное из всех земных чувств. Я пребываю в непоколебимой уверенности в том, что первоосновой великой Любви являются великие Знания, а Счастье способен испытать лишь тот, кто неуклонно стремится к нему, не гнушаясь тяжелого повседневного труда.

Валентин Бадрак

Вместо введения. Эволюция любви

Старая поговорка гласит: «Важно, у кого родиться, у кого учиться и на ком жениться». В ней максимально раскрывается народная мудрость, так как при формировании любой личности именно первые две составляющие оказывают наибольшее влияние на набор качеств личности, вырабатывая определенное восприятие окружающей среды и общее мировоззрение. Третья же служит своеобразным тестом двух первых и может существенно скорректировать и жизненный сценарий, и систему ценностей, и уровень достигнутого. Эта составляющая может стать катализатором роста личности, а может и сыграть роль постоянно срабатывающих тормозов. Если на первые две новый гость планеты почти не имеет влияния и принимает их как часть собственного жизненного сценария, написанного другими, то третья является личным выбором, мерилем сознания и притязаний одновременно. Потому что этот выбор сформировавшаяся личность, как правило, делает осознанно, исходя из собственного миропонимания. Таким образом, третья составляющая служит своеобразным венцом личности, свидетельством ее зрелости и способности дать генный импульс своим идеям, независимо от того, будут ли они восприняты должным образом потомством, и, наконец, дает ответ на вопрос, будет ли тот или иной человек (хотя сама поговорка как бы касается сугубо мужского мира, она истинна и для женской половины человечества) счастливым, невзирая на уровень его формальных или творческих достижений.

Почему мы говорим именно о стратегии счастливых пар? Была ли стратегия вообще? Может, речь идет об искусственном наделении людей рассуждениями, которые на самом деле были им чужды? Если это и так, то интуитивные движения душ, их внутренние порывы, безотчетные импульсы – разве это не следствие действий и размышлений, которые имели место ранее?! В отношении поведенческих реакций у автора есть глубокое убеждение, что все они, от самого первого младенческого крика до последнего, завершающего акта жизни, являются цепью причинно-следственных связей, результатом сложного комплекса многослойных отношений человека со всем остальным миром. Поэтому очевидно, что успешные пары – это не дар Божий, не мистическое совпадение душ-половинок, а подготовленная долгим формированием миропонимания психика, обуславливающая психологическую предопределенность и психологическую готовность каждого из двоих к обретению счастья, помноженные на продуманную, выпестованную терпеливым трудом, тактом и уважением деятельность. А также развитая способность к сопереживанию, чуткости, эмоциональной вовлеченности в жизнь партнера. Это можно обозначить как способность «чувствовать друг друга», которая достигается не иначе, как вследствие реализации определенной, пусть и бессознательной стратегии. Порой кажется, что пары плывут по жизни, как игрушечные кораблики, преодолевающие стремнины горной реки: кому повезет, а для кого препятствия становятся местом, откуда каждый из двоих продолжает свой путь в одиночестве, надеясь построить новое, более крепкое суденышко взамен разбитого и покинутого. Жизнь – не компьютерная игра и не поддается программированию, и для большинства остается загадкой, отчего одна пара сохраняет равновесие и спокойствие, а другая, даже при внушительной поддержке извне топит свой несчастный кораблик, а вместе с ним и свое выскользнувшее из рук счастье. Работа над книгой убедила автора в том, что выбор спутника жизни нередко становится мощным стимулом для личностного развития и духовного роста, открывает новые возможности для раскрытия личности, обогащения ее важными духовными ценностями. Порой лишь посредством создания семьи человек получает свой шанс двигаться дальше, в глубины сознания, чтобы, как ныряльщик, ищущий редкий жемчуг, отыскать новые величественные и необъятные формы бытия, в которых проявляются совершенно неведомые, бесценные грани выражающейся природы.

История существования человека доказывает, что, с одной стороны, имеет место устойчивое подсознательное стремление к формированию жизненного уклада в семье, а с другой – современный мир пронизан не внушающими оптимизма тенденциями. Семья, имея прежнюю ценность, перестает играть прежнюю роль на практике. Хотя ни крайний эгоцентризм мужчин, ни невероятное расширение с развитием пресловутой эмансипации социальных прав женщин не исключают стремления к противоположному полу. Это стремление все больше становится эпизодическим, без проникновения в мир друг друга, без эмоционального единения и, в принципе, без души. Такая поверхностная форма отношений ведет к бездуховности, а рождающиеся от таких краткосрочных отчужденных союзов дети и во взрослой жизни остаются эмоционально черствыми, как усохший хлеб. И если эта тенденция с течением времени, не дай бог, наберет силу, человек неминуемо вплотную приблизится к вырождению.

* * *

Уже начало работы над этой книгой обдало автора волной ужаса: как на самом деле мало на свете действительно счастливых пар! Как много людей игнорирует свой шанс стать счастливыми и испытать любовь! Какое множество фальсификаций и извращенных интерпретаций отношений известных людей заполонило пространство, дезориентируя, разобщая и превращая в изгоев тех, кто не научился верить в любовь! Как много людей позволяет себе жить в отчуждении и подавленности!

Чтобы представить всю многовековую панораму отношений в парах, где центральным пунктом являлось и до сих пор остается отношение к женщине, пришлось бы писать отдельное объемное исследование. Ограничимся лишь замечанием о том, что во все исторические периоды, даже тогда, когда женщина представлялась мужчине божеством, величественной святой или почти бестелесной спасительницей, палитра отношений оставалась неровной и прерывистой. Восхищению и преклонению пред женственностью и очарованием сопутствовали цинизм, хамство и насилие. И так было всегда, расцвет цивилизации несколько не изменил варварства и проявлений низости в человеческом обществе. Женщину прославляли и тут же «употребляли», как, отбросив стыдливость, писал в письмах Антон Чехов. Эту двойственность или, скорее, двусмысленность будет легко объяснить, если только взглянуть, какие провалы и перепады высот образовались в современной культуре. Рельеф развитой цивилизации сквозь призму культуры и этики мог бы быть ясно представлен в виде Гималаев и Марианского желоба, искусственно соединенных вместе, при том что средней нормой могла бы считаться нулевая отметка. «Этика начинается там, где кончаются разговоры», – небезосновательно утверждал Альберт Швейцер, на деле доказавший верховенство этических принципов. И хотя мыслитель в жизни не был самым заботливым мужем, а его высказывание в меньшей степени посвящено отношениям между мужчиной и женщиной, оно точно отражает многоцветную картину современного мира. Действительно, можно упиваться восхитительными стихами Александра Пушкина, посвященными любви, и с удивлением узнать о двойных стандартах самого поэта. Василий Розанов в обширном исследовании «Семейный вопрос в России», кроме множества животрепещущих рассказов о посрамлении женщины в браке в рамках отдельно взятой России, сообщает и трогательную историю о поэте, чье имя составляет у потомков прочную ассоциацию с честью. Однажды, будучи в Бессарабии, знаменитый стихотворец влюбил в себя юную цыганку, с которой хотел поиграть в любовь, и даже пытался ублажить старейшин табора крупными ассигнациями. Однако примитивная форма кочевой жизни породила и жесткие принципы, в силу которых любвеобильному Пушкину было отказано. Но он умудрился так околдовать девушку, что та, охваченная непреодолимой страстью, покорно последовала за обольстителем в Одессу – навстречу своей поги-

бели. «Поэт через год уже любил другую», – завершает беспристрастный Розанов невеселое повествование.

Да, у женщины было достаточно оснований искать психологической защиты, и в течение нескольких тысячелетий она старательно училась приспособливаться к патриархальному миропорядку, чтобы к середине XX столетия приобрести стойкий иммунитет в виде растущей способности обходиться без мужчины-мужа. Отвоеывая у сильного пола все больше пространства, женщина превратилась в абсолютно самостоятельную фигуру на шахматной доске жизни. Это позволило ей стать более откровенной в собственных желаниях и побуждениях. Своеобразным венцом этого триумфального шествия женщины стало появление сильных и явно неоднозначных концепций начала XXI века. Например, популярный в Европе психолог

Антонио Менегетти в своем трактате «Женщина третьего тысячелетия» показал возможности превращения женщины в самобытную личность, которая «может быть верной, но никогда – безраздельно кому-то принадлежать». В емком определении ценности любви с Менегетти сложно не согласиться, когда он утверждает, что она «определяется мерой обогащения личности, а не степенью обладания». Но проблема в ином: в способности большинства представителей человеческого племени уловить тонкий смысл взаимодействия полов. Анемия понимания друг друга мужчиной и женщиной становится понятной, когда в консервативных газетах появляются совершенно серьезные призывы солидных психотерапевтов к женщинам, подобные следующему: «Добирайте любовь и секс на стороне и не испытывайте при этом чувство вины!»

А теперь подумаем, выиграла ли женщина, изменив представление о самой себе? Стала ли она более желанной и более счастливой? Главной проблемой современных отношений мужчины и женщины стали обоюдные слабости полов в динамично меняющемся мире. Прежде всего, это болезненное восприятие мужчины произошедшей в женщине трансформации, что с озлобленностью интерпретируется как фригидность и неспособность к любви. Уверенная и успешная женщина нередко рассматривается мужчиной как агрессивная захватчица, она сама по себе уже представляется ему оскорблением и ущемлением ослабленного у многих мужского достоинства. Что касается самих женщин, не отыскавших золотой середины в построении модели взаимоотношений с противоположным полом, они попадают в созданную своими руками ловушку: отталкивая и отпугивая мужчин избыточной самостоятельностью, они оказываются в своем горделивом возвышении не менее жалки, чем покинутые ими мужчины. Ибо женщина не может цвести просто так, ее сочность или увядание напрямую связано с любовью, причем эрзац в виде меняющихся по прихоти интимных партнеров в конце концов самой женщиной начинает истолковываться как непоправимая ошибка.

Итак, оба пола оказались в ошарашивающем тупике, причем каждый озадачен поведением противоположного. Для наглядности положения можно прибегнуть к размашистой интерпретации психоаналитиков, например, воспроизвести результаты исследований, опубликованные в конце 2006 года российским психотерапевтом Александром Полеевым. Хотя любые подсчеты, касающиеся поведенческих реакций значительного числа людей, содержат известные погрешности и субъективизм самих исследователей, они все же могут отражать общую тенденцию неуклонного дрейфа настроений в мире, уверенно пересекшем рубеж третьего тысячелетия. Итак, согласно данным российских ученых, в крупных городах России повторно выходят замуж лишь два с половиной процента разведенных женщин сорокалетнего возраста. А 36 % москвичек в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти лет живут одни, не состоя в браке (они либо разведены, либо вообще никогда не были замужем). Эксперты утверждают, что рекордсменом в области женской самостоятельности традиционно выступает Париж: там 38 % женщин живут вне семьи, при этом больше половины из них

никогда и не были замужем. Французский сексолог Маргарет Ле Рой сообщает: при сохранении существующей тенденции через десять лет только половина зрелых парижанок будет замужем. Наблюдательные психологи отмечают: разводы происходят все быстрее, срок совместного проживания современных мужчин и женщин все короче, а количество повторных браков у разведенных становится все меньше. Упомянутый выше А. Полеев настаивает на том, что «несистематичность, нерегулярность интимной жизни, отсутствие в ней порядка, необходимость быстро настроиться на секс, осознание себя не единственной подругой – все это снижает и влечение, и чувственное наслаждение». К этому можно добавить, что все большее число людей старается в межполовых отношениях видеть лишь секс, что постепенно убивает семью как традиционно первичную ячейку построения общества.

На самом деле сознательный отказ от семьи для человека является одной из самых трагических и мучительных аномалий, сопровождающихся жестокой и необратимой ломкой психики. Выбор одиноко плывущей по океану жизни шлюпки вместо шумного семейного корабля свидетельствует об ужасающих тенденциях, пронизавших, подобно отравленным стрелам, современную цивилизацию. Отказ от семьи является, прежде всего, признанием неспособности любить и настраиваться на волну любви. Это – дисфункция духовной сферы, психологическая неготовность к межполовому взаимодействию, появившаяся в результате целого ряда факторов, основными из которых являются душевная черствость, доминирующие эгоцентрические тенденции, скудость интеллекта и блоки, выставленные родителями, близким окружением или появившиеся в результате неудачной попытки брака.

Когда бы мы ни говорили о браке как о форме построения устойчивых, долговременных отношений между мужчиной и женщиной, мы неизменно сталкиваемся с двумя ключевыми препятствиями. К первому относится инфантильность мужчин в формировании и принятии своей миссии, что толкает их на долгие поиски не только самого себя, но и своей «половинки»; второе связано с почти безоговорочным принятием женщиной своей социальной вторичности в патриархальном укладе мира. Если первое порождает тяжелые судьбы искателей счастья, сложные многоуровневые проблемы взаимоотношений между полами, откровенное мытарство мужчин, не понимающих и даже не признающих приближения счастья, второе закладывает для женщин основу отказа от себя и развития собственной личности. Разумеется, упомянутый выше перекося личности в сторону избыточной самодостаточности женщины касается лишь очень немногих представительниц бархатного пола. Даже видные исторические персоны, обладавшие тонким аналитическим умом и оставившие глубокий творческий след в истории, такие как Вольфганг Гете, Рихард Вагнер, Артур Конан Дойль, показали совершенную неспособность распознавать в молодые годы и свои истинные потребности, и соответствие им избранных партнерш. Что касается женщин, то слишком много браков захлебнулись во взаимном непонимании из-за неготовности представительниц романтического племени принять необходимость изменяться. Сначала воспеваемые и превозносимые до потери чувства реальности, а затем загнивающие на задворках брачных околиц, они с трудом начинают понимать существующий разрыв между мужскими иллюзиями и их реальными желаниями. Наконец, осознав наличие преграды, многие из них отступают от борьбы за собственное счастье.

О любви, стремящейся одновременно к мгновению и вечности, имеющей свои законы, сказано, пожалуй, даже слишком много. Гораздо больше, чем способен переварить отдельно взятый человек. Но все, что будет изложено ниже в этой книге, может стать не столько обновленной формулой защиты чистых и красивых отношений между мужчиной и женщиной, сколько приобщением к практическому опыту, оставленному созвездием личностей. Их стратегии могут пригодиться каждому, кто хочет научиться любить по-настоящему, кто видит в отношениях двух полов великую миссию, сродни творчеству самой Природы, и жаждет испытать счастье, ибо никто, кроме нас самих, не сумеет подарить нам упоительные

мгновения восторга в этом противоречивом, беснующемся и загадочном мире. Мы можем и имеем право любить, каждый способен стать счастливым, а выдающиеся пары, сумевшие своей жизнью продемонстрировать, что семейное счастье может идти рука об руку с самореализацией каждого из двоих, служат лишь доказательством безграничных возможностей любви. Исполинские персонажи, которые прошли жизненный путь вместе, испытав экстаз истинного счастья, говорят о его возможности в тех случаях, когда духовное заметно превалирует над всеми остальными сферами. Великие творцы семьи, познавшие любовь для двоих, подтверждают: счастье является результатом не данного свыше дара, а колоссального ежедневного труда двух людей, стремящихся находиться рядом, помогая друг другу реализовываться, совершенствоваться как многогранная неординарная система духа, души и тела. Даже иррациональные и несколько извращенные союзы, рассмотренные через увеличительное стекло, убеждают: стремление жить вместе, испытывать позитивную эмоциональную вовлеченность в интимный мир партнера и сопереживать его радостям и проблемам является одной из наиболее весомых возможностей, которые предоставляет человеку жизнь. Трогательный и тонкий мир стойких чувств говорит о том, что подлинная гармония счастливого супружества формируется и программируется задолго до заключения брака. А брак позволяет глубже, сильнее и богаче раскрыться каждому, почувствовать себя исполненным, ибо искренняя поддержка ближнего и неустанное ободрение делают чудеса.

И поэтому прежде, чем приступить к описанию жизни пар, считавших себя счастливыми, хочется вспомнить откровение Джулиана Грина, доносящееся сквозь время и пространство как яростный и отчаянный крик, проникающий в душу каждого: «Я знал, что мы мало значим в сравнении с Вселенной, я знал, что мы – ничто; но быть столь безмерно ничтожным – это одновременно и подавляет, и утешает. Эти числа, эти расстояния, которые человек не в состоянии даже представить себе, – они ошеломляют. Так есть ли хоть что-нибудь, за что мы можем ухватиться? Среди хаоса и иллюзий, в которые мы бросаемся очертя голову, есть только одна истинная вещь, и это – любовь».

Глава 1 Счастливые пары

Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной и вечной любви? Настоящая любовь всегда бывает единственной...

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Николай и Елена Рерих

Сорок лет – немалый срок. В таком далеком плавании могут быть встречены многие бури и грозы. Дружно проходили мы всякие препоны. И препятствия обращались в возможности. Посвящал я книги мои Елене, Жене моей, Другине, Спутнице, Вдохновительнице. Каждое из этих понятий было испытано в огне жизни. Творили вместе, и недаром сказано, что произведения мои должны выносить два имени – мужское и женское...

Николай Рерих

Грядущая эпоха будет эпохой не только Великого Сотрудничества, но и эпохой женщины.

Елена Рерих

Кажется, они пришли с необыкновенной, какой-то жреческой миссией. Пройти путь праведный и благородный вместе от самой первой встречи и до последнего удара сердца, путь вечного поиска Истины. Чтобы доказать, что великая любовь является единственно важным озарением души и что она... возможна. И кажется, это экзальтированное устремление открыло им многие удивительные грани жизни и подарило чудесное прозрение увидеть и осознать мир в его панорамном, почти космическом преломлении. Жгучая жажда жизни наделила их и редкой счастливой любовью. Они сумели пронести огонь этого океанического чувства, не только не растеряв углей за сорок шесть лет совместной жизни, но и превратив этот огонь в исполинское горнило чувств, в излучающий неимоверное тепло костер, не затухающий под порывами ветров и бегом неумолимого времени. Про них твердили, что они были допущены к какой-то неуловимой тайне, надежно скрытой неведомыми силами от непосвященных и недостойных. Он был вечным искателем, она – его неизменной Ладой, самоотверженной и направляющей духовной опорой, неутомимым ангелом-хранителем, данным свыше, чтобы с отвагой отметать любые сомнения. Об этой выдающейся паре говорят, что она была отмечена высшей силой, способной придать жизни человека глубокий смысл и одарить силой пророка давать людям нечто важное и ускользающее, открывающее им новые горизонты бытия. И если мистика тут всего лишь часть колоритной легенды, то их феерический успех стал возможным благодаря невероятной силе любви, превратившей их в титанов, сумевших расшифровать тайный смысл хаоса и ускользнуть от мирской суеты, чтобы воссоединиться с Природой.

Пришельцы с планеты возвышенных желаний

Старшему ребенку в семье преуспевающего нотариуса Петербургского окружного суда Константина Рериха Николаю была предоставлена впечатляющая, никем и ничем не ограниченная свобода действий. Будучи сыном состоятельного человека, мальчик не слишком часто общался со сверстниками, часто отдавая предпочтение размышлениям. Развитию его

воображения и свойственной глубоким интровертам впечатлительности способствовало и постоянное чтение детских книжек, причем мальчика более всего привлекали исторические сказания. Еще одним превосходным стимулом к познанию нового оказалась и действительно прогрессивная для тех времен частная гимназия Карла Мая, в которой все обучение было построено по принципу познавательной игры, там учеников поощряли и ободряли во всех начинаниях. Когда при приеме в гимназию умудренный опытом педагог назвал мальчика «будущим профессором», склонный к продолжительным переживаниям и размышлениям мальчик надолго запомнил слова учителя. И уже через несколько лет гимназист Рерих мог похвалиться не только изученным в подлинниках Гете и отменным знанием географии, но и, например, самостоятельными переводами Демосфена и страстью к рисованию. Высокий художественный стиль и превосходное образование являлись органичным и естественным климатом для взращивания нового творца. Показателен для детства Николая тот факт, что он, пытаясь сохранять отцовские прагматичность и педантичность, по мере взросления все более углублялся в мир духовных наслаждений и будоражащих мозг мечтаний. Эти качества самым непосредственным образом отразятся на его отношении к семье, настроенном на волну спокойного и вдумчивого решения возникающих проблем при наличии незыблемых принципов и практически неограниченной свободы во всем остальном.

Появление у Николая качественно иных, не схожих с отцовскими представлений о мироздании и своей роли в нем связано с целым рядом факторов и событий. Нестесняющийся домашний быт и неизменное поощрение исканий со стороны ближайшего окружения предопределили непринужденность при ненавязчивом вовлечении в мир книжных переживаний. В какой-то момент его захватила мистика, и с того времени он часто обнаруживал себя в плену необычного творчества Гоголя. В этом также проявляется важное и неотъемлемое качество будущего таланта – религиозная впечатлительность, которая непременно будет присутствовать в семейном укладе и создавать теплую ауру особой духовности. Именно это ощущение внутренней тревожности заставляло Николая пропускать все увиденное и услышанное через себя, чтобы избавиться от несущественного и оставить зерна важного. Кстати, именно с Гоголя – подготовки красочных декораций к гимназическим постановкам любимых произведений – начинаются его попытки более серьезного осваивания живописи. А с ними – и назревающий скрытый конфликт с отцом, считавшим, что сын непременно должен добиться успехов в юриспруденции.

Похоже, первая мысль о путешествиях посетила Николая еще в детстве, когда он с почти религиозным восторгом и каким-то смутным благоговением рассматривал величественную бронзовую фигуру «первого русского плователя вокруг света» Ивана Крузенштерна, расположенную вблизи дома на Васильевском острове. Небольшие прогулки-путешествия по окрестностям родительского имения «Извары», подстегиваемые загадочными рассказами о предках, и растущее тайное желание детально разобраться в тайнах прошлого, постичь нечто скрытое от приземленных окружающих все чаще захватывают Николая. Ему было лишь девять лет, когда в имении побывал известный археолог Ивановский, поведавший зачарованно слушавшему его мальчику о древних могильниках в окрестностях «Извары».

Конечно, сыграли свою роль и рассказы о ставшем всемирно известным Генрихе Шлимане. С годами все чаще веселым играм со сверстниками Николай предпочитал упоительное пребывание наедине со своими размышлениями. Рано развитое богатое воображение разыгрывало невероятные исторические сцены, он пылливо и восторженно впитывал неповторимые моменты пролетевших столетий, с которых осторожно смахивал пыль тайны. Полет мысли открывал ему такие вещи, которые и не снились никому из его семьи или беззаботных окружающих. Его потрясала, выворачивала наизнанку тишина, в которой он уже в юношеские годы усмотрел первопричину гармонии и возможность незаметно слиться со всемогущей и всеобъемлющей Природой. Да, он другой! Не такой, как отец, размышляющий о

каких-то законодательных тонкостях. Его же увлекают пьянящие закономерности мироздания, а все более глубокие внутренние поиски сказочной золотоносной жилы уводят в совершенно иной мир, наполненный бесконечным романтизмом и духом перемен, в пространство, где царит непреодолимая сила визуальных ассоциаций, ослепительных иллюзий и будоражащего блеска воображения. Позже он, романтический и наполненный тайным восторгом, поведает о своих поэтических впечатлениях Елене и, найдя в ее душе чуткий отклик, будет потрясен подарком судьбы.

Вероятно, вполне естественным ростком прорывается новое желание: запечатлеть воображаемый мир старины на полотнах и в рукописях, чтобы запомнить свои ощущения от прикосновения к найденным и раскопанным предметам, немым свидетелям далекого прошлого, и поведать о них родным. Желание самовыразиться, предстать перед окружающими в иной, более духовно богатой и насыщенной ипостаси, оставить после себе нечто возвышенное и одухотворенное – вот что толкает его снова и снова к мольберту и письменному столу.

Трудно переоценить и влияние на молодого Рериха тех, кто оказывался в гостях у известного столичного юриста. Выдающийся химик Менделеев, признанный авторитет в области правоведения Кавелин, неординарные ученые-востоковеды Голстунский и Познеев – все они являли собой, прежде всего, примеры необыкновенной увлеченности и сосредоточенности на своем предмете. И юноша, копируя колоритных мужей, доходит до отрешенного фанатизма, под «микроскопом» изучая свои личные отношения с Природой. С необычайным, даже, можно сказать, болезненным для ученика прилежанием он изучает птиц, одержимо собирает коллекцию перьев и минералов, с не характерным для юноши рвением оттачивает слог, в семнадцать лет уже печатается в журнале «Русский охотник». Похоже, в это время гимназиста посещают первые мысли о своей миссии, ему явно не по душе занятие отца. Юный Рерих все больше рисует, несмотря на растущее недовольство семьи. Это неукоснительное стремление к самореализации придает ему особый отпечаток серьезности, рано наделяет чертами подлинного чародея, этим самым подкупающим штрихом портрета будущего жениха, мужа, отца.

Но когда пришло время выбирать жизненный путь, непреклонный отец настоял на поступлении в университет. А уж если у сына такое непреодолимое стремление к живописи, пусть он совмещает «серьезное дело» со своим неумным хобби. Николай принял родительское предложение, поступив одновременно и на юридический факультет, и в Академию художеств, где в то время царили творческие идеи плеяды известных мастеров: Репина, Шишкина, Васнецова, Сурикова, Архипа Куинджи, в мастерскую которого он перебрался по достижении двадцатилетия. На деле вышло, что жесткое условие еще более усилило в молодом человеке акцент на достижениях, сформировав раннюю сосредоточенность на высоком результате. Только для себя различимым пунктиром он наметил направления нового поиска, устремившись в такую высь, о которой даже не подозревали его родные. Несмотря на бешеный ритм жизни с одновременным посещением двух учебных заведений, Рерих еще ухитрялся заниматься самообразованием: он осознавал, что настоящий живописец и мыслитель не может обойтись без глубинных знаний Природы. Путь самопознания и конструирования собственной личности как нельзя лучше прослеживается в дневниковых записях честолюбивого юноши, жаждущего признания и доказательств своей духовной самодостаточности. Кажется, прежде всего он намеревался доказать отцу, что волен сам выбирать свою судьбу, поскольку трудом и достижениями подтвердил, что его собственный путь весомее, содержательнее и насыщеннее, чем путь отца, лишенный творчества, а значит, возможности оставить глубокий след для потомков. Отец стал для молодого Рериха первым раздражителем и стимулом для творчества, порывам которого он останется предан всю жизнь. Замаскированное противостояние с непреклонным родителем, тихое и тщательно скрываемое от внешнего мира, стало сильным импульсом к самостоятельности. Кошунственно ограниченный отцом

в карманных расходах (чтобы не хватало на необходимые для живописи краски), студент Рерих сам должен был позаботиться о дополнительном заработке. Ни многолетняя изнуряющая осада университета на двух фронтах одновременно, ни позиция отца несколько не изменили решения молодого человека, закрывшегося в раковине своих внутренних ощущений; он лишь стал ожесточеннее, замкнутее и требовательнее к себе. Кажется невероятным, что уже в это время он сумел найти заказы на роспись церквей. Мотивация сделала его похожим на гибкий стальной прут, и эту мнимую, внешнюю способность к конформизму он проявлял во всем, направляя талант находить общий язык в условиях экстремального напряжения и на семейное пространство. Но те, кто узнавал его ближе, изумлялись: за внешней податливостью скрывалась твердая, свободолюбивая натура человека, привыкшего выверять все до малейшей мелочи.

С каждой новой маленькой победой молодой человек укреплялся в мысли стать настоящим живописцем, затронуть своим творчеством такие струны человеческой души, которые пробудят чуткость к красоте и величию Природы и станут новым импульсом к самосовершенствованию. Последнему он придавал колоссальное значение, с юных лет начав лепить из себя творца, способного заглянуть за горизонт суетного бытия. Сохранились свидетельства о созданном им «Проекте правил кружка академистов императорской Академии художеств, посвящающих себя самоусовершенствованию». Среди дополнительных направлений оказываются философия, естествознание, история, психология, эстетика, археология, мифология... Стремление к высочайшим достижениям подчинило всю личную жизнь молодого человека идее саморазвития. Можно с высокой долей уверенности говорить о сублимации либидо, когда сексуальная энергия под воздействием воли направлялась в русло творческого роста. Естественно, эротической сдержанности способствовал и набор нравственных правил, исповедуемых и насаждаемых интеллигенцией, элитарно-аристократической средой, из которой вышел Николай Рерих. Его внутренняя система оказалась в определенной степени настроена на поиск для себя социально значимой роли, предусматривающей творческую самореализацию. Он не только не собирался плыть против течения, пытаясь самоутвердиться в обществе путем продвижения сомнительных или просто резонансных ценностей, но и намеревался поднять существующие духовные ценности до нового, еще более высокого уровня. Этот нюанс крайне важен, поскольку подход к общественным ценностям, формирование для себя системы ориентиров напрямую связаны с отношением к семейной жизни. Ведь семья в его среде была неотъемлемой частью этих духовных ценностей, возможно, краеугольным камнем всего общественного фундамента, и потому в подсознании Рериха контуры его будущих достижений опирались как раз на семью как первую ценность общественно-значимого человека, творца, несущего в мир нечто новое и необычайно важное для развития духовного в человеке. Другими словами, уже сформировавшемуся к двадцати годам Рериху был совершенно понятен образ будущей жены, он был готов к нему, и поэтому так быстро принял в сердце встреченную им Елену.

Елена, будущая Лада, дочь достаточно известного архитектора Шапошникова, принадлежала к еще более утонченному миру русских аристократов, ставящих превыше всего духовное развитие личности. Древний русский род, героические предки, в том числе олицетворявший победу над Наполеоном фельдмаршал Михаил Кутузов (Елена приходилась фельдмаршалу двоюродной правнучкой), глубокие традиции – все это наложило отпечаток непреклонной необходимости следовать вековым правилам, соответствовать аристократически возвышенному образу потомков высокородных князей. Кроме того, в родственниках Елены значился и гений – композитор Мусоргский, чью память в семье свято чтит и чей образ служил ориентиром формирующемуся новому поколению. Весь этот могучий код своего рода, фундаментальную печать элиты общества, скрупулезно насаждаемую старшими систему ценностей девочка пропустила через себя, сделав неотъемлемой частью своей лич-

ной культуры. Иначе и быть не могло: само воспитание в такой своеобразной среде обязывало каждую девочку к почтению, послушанию и покорности, превращая ее к моменту вступления в брак в жизнестойкую и активную цементирующую глину, предназначенную для укрепления того остова, которым должен выступать в союзе мужчина. Для девушки такое соответствие выражалось, прежде всего, в манерах, элегантности и благовоспитанности, формировании изысканного вкуса, любви к музыке, литературе и искусству, а также в терпеливости, спокойствии и умиротворении – осознанном отображении понимания своей, исконно женской, роли. Елену, как и подавляющее большинство девочек того времени, с первых дней прихода в мир тщательно готовили к будущему материнству и горделивому приятию звания чьей-то супруги. Но она появилась на свет в эпоху зарождения женской самоактуализации, выросла живой и энергичной, легкой на подъем, даже стремящейся к активной жизни. Безликое прозябание в роскошных покоях вызывало в ней чувство негодования и отвращение, как все неполноценное, незрелое, неспособное к развитию.

Сам Николай Рерих, оценивая впоследствии роль воспитания в родовом гнезде своей избранницы, заметил: «Традиции рода способствовали развитию устремлений к искусству». Таким образом, формирование личности Елены происходило как бы в тепличном, замкнутом и недостижимом для грязи и деструктивных раздражителей пространстве. В такой обстановке она едва ли могла вырасти иной, ее одухотворенность и женственность были заложены воспитанием, однако из множества других девушек своего времени и круга ее выделяла еще и необычайная, совершенно неженская отвага, незримая духовная сила и удивительная пылкость ума. Стремление раскрыть лучшие качества личности было, несомненно, ее собственной заслугой и личным достижением. Ее не ко времени богатый внутренний мир не мог уместиться в рамках существующих традиций, он искал выхода в широкое свободное пространство и, неожиданно столкнувшись с таким же чутким, импульсивным и ищущим разумом молодого Рериха, уже не мог не вступить с ним в незримую связь, чтобы, слившись воедино, вместе искать, открывать и создавать новые грани бытия. В душе этой загадочной девушки странным и непостижимым образом слились метаморфозы «женского» аристократического воспитания и «мужские» требования тревожного времени, вызывающие на свет божий новых женщин-подруг, женщин-искательниц, женщин-отступниц. Родители и среда учили ее беречь очаг и высоко нести честь рода, время стимулировало *быть кем-то*, обрести собственное выразительное лицо. Кажется, не случайно в воспоминаниях сына Рерихов Юрия наряду с упоминанием о музыкальном образовании и артистичности проскальзывает намек на «революционность» настроения матери в юности. На рубеже столетий мир стал меняться динамичнее, и женщина стала по-иному чувствовать себя в обществе, шире смотреть на свою роль. Эти социальные изменения, задев Елену, тесно переплелись с вбитыми в сознание прежними догмами о миссии женщин, смиренных и благородных, эстетичных и религиозно-духовных, заставляющих в течение всей жизни оставаться в тени.

Светлана Кайдаш-Лакшина, намереваясь панорамно представить пространство, окружавшее молодую Елену, предположительно говорит о влиянии на формирование ее мировоззрения таких новых для российского буржуазного общества событий, как книги Веры Желиховской и явление миру ее выдающейся сестры Елены Блаватской, умершей в пору взросления нашей героини. В это же время в Россию приходят вести о кончине другой известной соотечественницы – математика Софьи Ковалевской. Прошло еще несколько лет, и Россию всколыхнула еще одна смерть легендарной русской женщины – путешественницы Александры Потаниной, названной «новой породой женщин в Европе». С. Кайдаш-Лакшина упоминает даже Софью Шлиман, которая сопровождала на раскопках своего знаменитого мужа. Доподлинно неизвестно, насколько все эти женщины могли повлиять на взрослеющую Елену, но дух новаторства в женском образе должен был проникнуть туда, где воспитывалась российская аристократия. Впрочем, если это так, то там существовали лишь

поверхностные (а может, и двусмысленные) суждения об этих женщинах, ибо Блаватская и Ковалевская были сами по себе несчастными отступницами, которые не реализовали себя как женщины при формальном успехе и восторженно-звонком звучании их имен. А Софья Шлиман – и вовсе жена-фантом, не только не испытывавшая радости от участия в раскопках, но и вообще лишенная любовного порыва к первооткрывателю Трои. Поэтому скорее всего для Елены глубинный смысл этих фактов был либо скрыт, либо не важен. Зато несоизмеримо более важным оказалось новое загадочное звучание женского начала, открывшее более широкие возможности для женщины, жены, матери. При особых обстоятельствах женщина, оставаясь подругой мужчины, могла играть совершенно иную, уникальную роль в обществе, проявлять себя в непривычном облике, наполненном нескрываемой силой. Если бы не чарующая женственность и обволакивающее обаяние молодой красавицы, можно было бы даже говорить о наличии в Елене Шапошниковой признаков комплекса мужественности. Конечно, вряд ли молодая девушка всерьез размышляла обо всем этом, но все же манящая привлекательность самоактуализации женщины не могла ускользнуть от ее чуткого восприятия. Обнаружив у себя любопытные экстрасенсорные способности, Елена поначалу, скорее вследствие моды, увлеклась мистическим спиритизмом. Но этот Божий дар, бессистемно развиваемый в периоды безудержного веселья юности, среди прочего, позволил ей почувствовать свою внутреннюю женскую силу, выделиться, продемонстрировать привлекательность не только физическую, но и духовную, несоизмеримо более могущественную, чем просто утонченные формы развившейся женственности. Мистика придала ее образу ореол обаяния и неиссякаемой женской силы, той, что движет всем сущим. В возрасте, когда девушка оценивает каждого встреченного на пути мужчину, неожиданно явившийся на ее пути молодой Рерих, не исключено к удивлению самой Елены, вписался в мысленно уже очерченный трафарет будущего избранника.

Семейное моделирование по Рерихам

Можно по-разному воспринимать встречу этих двух сердец, но в их жизненном сюжете самым важным штрихом всегда будет оставаться неодолимое и даже какое-то сверхъестественное стремление друг к другу, то, что многие с восхищением отнесли бы к области интуиции или потусторонних сил. Но это прозрение для обоих вовсе не жест так называемого тонкого мира, а следствие глубокой психологической готовности к духовному единению и результат бессознательного поиска спутника жизни. Первая же встреча позволила каждому из них убедиться в притягательной глубине внутреннего мира другого, мгновенно оценить всю неподдельную серьезность намерений сделать дальнейшую жизнь волшебным шествием в пространстве любви, неумным движением в запредельные просторы за чем-то большим, далеко выходящим за рамки обыденного. Когда до фанатизма увлеченный раскопками Рерих появился в имении князя Путятина, где впервые встретился с гостившей там Еленой, он уже был внутренне готов к отношениям с женщиной, хотя и не искал их с отчаянным рвением алчущего любви молодого человека. В то время Николай Рерих уже был слишком поглощен собой:

обретающий известность художник, картину которого купил сам Павел Третьяков, находился в томительном творческом поиске и вырабатывал свою, отличную от всех существующих, формулу самовыражения. За спиной была знаковая встреча с великим Толстым и вселяющее уверенность напутствие апостола русской литературы на долгую творческую дорогу, выраженное в проницательной рекомендации «править выше того места, куда нужно, иначе снесет», так же как и в представленной старцу картине. Тогда молодой Николай Рерих был еще наивным и витающим в облаках интеллигентом, несколько флегматичным, хотя и деятельным, претендентом на место в среде русской творческой элиты, но в то же

время пугливым и несформированным мужчиной. Поздние воспоминания Елены свидетельствуют, что к моменту отъезда Рериха из имения князя Путятина она уже была его невестой. Невероятная для дореволюционной России стремительность принятия ключевого жизненного решения! Между тем все объясняется довольно просто: к моменту встречи молодые люди уже неосознанно очертили для себя основные качества избранника. И в момент знакомства произошла реакция, подобная химической, когда неожиданно встретившиеся элементы образуют новое благородное соединение.

Для одухотворенного и религиозного мира российской интеллигенции брак являлся, по сути, делом священным. Истоки этого уходят в далекие времена Владимира-крестителя, начавшего формировать духовное восприятие элиты славянского общества Древней Руси. Ни гнусные поступки Ивана Грозного, ни безудержно-двусмысленные порывы Петра Первого не сломали заложенной христианством веры в праведность брачного союза, переросшей в трогательно-трепетное отношение к защите интересов своего рода и родовой памяти. Для понимания состава того навечно цементирующего раствора, связавшего Николая и Елену, стоит уделить внимание сложившимся в паре взаимоотношениям. Для Николая, воспитанного целомудренным и даже несколько инфантильным в отношениях с противоположным полом, открытие Елены оказалось двойным сюрпризом. Она не только обладала притягательной харизмой, ранней мудростью и искусительным обаянием, но и явно стала ведущей в их интимных отношениях, открывая избраннику и прелесть эроса, и тайную радость томительных переживаний любовной страсти, и океанические просторы женской духовной силы. Поглощенный бесконечными коллекциями, археологией, живописью, самопознанием и самообразованием, он оказался совершенно не знакомым и почти неподготовленным к той части отношений с женщиной, которую каждому мужчине предстоит открыть самостоятельно. Но внутренний мир этого невероятно сосредоточенного, не по годам серьезного молодого мужчины уже был зрелым и достаточно богатым, чтобы усвоить новые волнующие события и настроиться на новые волны. Кажется, немного застенчивый, но способный преодолевать себя, молодой человек, которого еще недавно называли в студенческой среде красной девицей и Белоснежкой, покорила ее обескураживающей искренностью и чистотой побуждений, она же овладела его сознанием благодаря исключительной силе женственности, помноженной на всеохватывающую широту своего духовного мира. От нее исходили дурманящие флюиды уверенной в себе представительницы восхитительного пола, интуитивно владеющей всем диапазоном воздействия на мужчину: от эмоционального всплеска непредсказуемой самки до умиротворяющей и направляющей своей спокойной силой женщины-колдуньи и надежной женщины-матери.

Юная Елена отличалась поведением от своего будущего мужа. Глубоко внутри домашняя и уютная, она в пик застенчивости Николай артистично демонстрировала способность увлекать окружающих и игриво, не без налета театральности, руководить ими. В ней не было фальши сумасбродных светских кокеток, она скорее представлялась обществу манящей, порой блистающей на балах звездочкой, которая тайно мечтает о теплом семейном гнездышке, встрече с единственным человеком, чем-то похожим на ее уравновешенного и знающего себе цену отца.

Крайне бережное отношение к роду и семейным ценностям сыграли далеко не последнюю роль в формировании мировоззрения этих двух объединившихся в вечном союзе людей. И Николай, и Елена выказывали почтенное смирение перед родительскими решениями, относясь к семейно-родовым традициям как к некоему не требующему дополнительных объяснений культу. вспомните, как легко Николай поддался правилам патриархального уклада, когда отец настоял на его юридическом образовании. Отказавшись от исторического факультета в пользу юридического (при двойной образовательной нагрузке), он принял семейное решение как распоряжение высшей инстанции или заявление Верховного суда,

и этот факт крайне важен при рассмотрении его собственной семейной модели. Точно так же и Елена готова была поступиться тайными желаниями формирующейся женщины в пользу образцовой супруги, каковую старательно лепило из нее окружение. Александр Сенкевич, к примеру, указывает, что после замужества Елена «легко увлекалась той светской жизнью, которая ее окружала». Письма находящегося в археологических разъездах свежее испеченного супруга полны тревоги и вместе с тем указывают на исключительную роль на семейном корабле, уже тогда отводимую Николаем своей избраннице. «...Знай, Ладушка, если Ты свернешь в сторону, если Ты обманешь меня, то на хорошей дороге мне места не будет. Тебя я люблю только как человека, как личность, и если я почувствую, что такая любовь невозможна, то не знаю, где та граница скверного, до которой дойду я. Ты держишь меня в руках, и Ты, только Ты приказываешь быть мне идеальным эгоистом или эгоистом самым скверным – Твоя воля!» Приводимый Сенкевичем отрывок письма в книге о Елене Рерих трудно переоценить. Это письмо является свидетельством осторожных попыток Рериха закрепить мысль о том, что духовные ценности (а среди них, безусловно, и сама семья) станут основой их дальнейшей совместной жизни. Тут прослеживается и тайное желание молодого супруга наделить свою избранницу функциями матери, которая бы распространяла свою заботу не только на потомство, но и на него самого. Внешне подвижный и проворный Николай в детстве был слишком впечатлительным и неустойчивым внутри, крайне нуждался в материнской опеке и вообще поддержке извне, к которым он привык в рафинированной аристократической среде.

Его безоговорочное превосходство касалось духовной плоскости и роста, но внешний мир, состоящий из множества иных, нередко ускользающих от его понимания плоскостей, казался слишком сложным и даже чуждым. Для адаптации своих личных устремлений к общепонятным потребностям общества, метко названного американским писателем и философом Эмерсоном «акционерной компанией», в которой он, Николай Рерих, был далеко не самым крупным пайщиком, необходим был универсальный посредник, проводник. И таким посредником стала его жена. Во многом будущее величие семьи Рерихов оказалось следствием ее великолепной и, пожалуй, непревзойденной способности играть роль умелого переговорщика между реальным миром с бесконечной гаммой различных цветов, и миром иллюзорных, непременно лучезарно-светлых, представлений своего мужа. Хотя и до женитьбы Николай пытался предстать виртуозным «продавцом» своих многочисленных талантов, именно Елена, эта фея с гипнотической харизмой, заставила весь мир заговорить о феномене семьи, придав ей оттенок загадочного и неповторимого символа.

Трудно ли было Елене безоговорочно принять эту концепцию? Похоже, что нет, потому что она сама, несмотря на мотыльковую воздушность периода бурлящей юности, стояла на очень твердых нравственных позициях и вовсе не собиралась «обманывать» мужа или «сворачивать в сторону». Говорили, что Елене и до появления в ее жизни Николая делали заманчивые предложения, но неспешность и обстоятельность ее выбора как раз и была связана с психологической установкой на неповторимый образ, который должен быть избран раз и навсегда. Она никогда не забывала о своем происхождении и великом множестве взаимосвязанных моральных принципов, носителем которых оказалась ее семья. Поэтому те несколько томительных лет до бракосочетания, когда девушку, не без интереса относящуюся к балам и легкому флирту, продолжали «вывозить в свет», оказались гораздо более серьезным испытанием для Николая, чем для нее. А вышеупомянутое письмо Рериха являлось скорее признанием собственных сомнений, нежели сомнений в жене. Кстати, к моменту бракосочетания ему уже было двадцать семь, что также является многозначительным нюансом. Испытал ли он к моменту женитьбы близость с женщиной? Возможно, и нет. В этом также следует искать одну из причин его мужской неуверенности и поиска защиты в духовном измерении. Но в этом проявилась и его сильная сторона: первая близость с Еленой, так же как и для нее,

скорее всего стала для Николая не только открытием новых граней друг друга, но и базой для формирования замкнутого, автономного мира, самодостаточной атмосферы, в которой духовное неизменно доминировало, а сексуальная сфера являлась его логичным продолжением. Быт же, в силу доминирования в их внутренних установках целеустремленности и сосредоточенности на более высоких целях, вовсе не тревожил ни Николая, ни Елену.

И еще один фактор сыграл значительную роль в деле формирования крепкой семьи: принадлежность обоих супругов к масонской ложе. Масонство в виде некоей системы неизменных фундаментальных правил дало те изначальные ориентиры, которые органично вписались в психологические установки и Николая, и Елены. На связи Николая Рериха с «вольными каменщиками» настаивают и Арнольд Шоц, и цитирующий его современный исследователь Игорь Минутко; о масонском же мировоззрении Елены Шапошниковой обстоятельно говорит Александр Сенкевич. Вполне можно предположить, что молодые люди, вышедшие из таких высокодуховных семей, не могли не проникнуться уважением к тем нравственным идеалам и символам, которые предлагала эта уважаемая организация. В значительной степени масонству, таинственному и недостижимому для непосвященных, они обязаны закрытостью, замкнутостью своих внутренних миров. Несмотря на внешнюю общительность и готовность к взаимодействию с окружающим миром, молодые люди не спешили вывернуть наизнанку свою душу перед друзьями. Для Николая студенческая среда вообще была чуждой, а Елену можно было бы назвать скрытной и склонной к постоянным размышлениям. Соединившись, они сохранили и даже усилили защитную скорлупу, отделяющую семью от всего мира. Кроме того, кажется, из идеологии масонства проистекает и само растущее в течение совместной жизни Рерихов желание создать собственную организацию с выкристаллизованной оригинальной философией, которая вещала бы всему миру об обновленном культе духовных ценностей, о деле всей жизни семьи, последовательно превращающейся в легенду. Крайне важно, что эти ценностные маяки оказались общими для обоих супругов, что вскоре стало фундаментом для двойной миссии и реализации невероятной по замыслу и масштабам идеи. Таким образом, масонство стимулировало и их интерес друг к другу, и уверенность в соблюдении в будущей совместной жизни определенных моральных рамок, и, в конце концов, интерес к формированию идеи, направленной на развитие духовного мира своих современников.

Семья стала той благодатной средой, где каждый получил новый толчок к духовному развитию, к которому стремился изначально. Уже через два года после создания союза Николай и Елена совершили свое первое совместное путешествие, ставшее начальным звеном в бесконечной серии попыток отыскать ключ от врат Вселенной. Пожалуй, ничто так не объединяет и не способствует пониманию, как совместные поиски чего-то, кажущегося невыразимым и, в то же время, необходимого для дальнейшей жизни. Потому проникновение в культуру Древней Руси ознаменовалось глубоким осознанием внутреннего мира каждого, началом реализации общей жизненной стратегии, предусматривающей неуклонное движение к высшей ценности – гармонии любви. Они вместе осознанно стремились к этому, и эта неуемная жажда самопознания, радость взаимной поддержки и обмена энергией сформировали общую высшую цель. В силу того что цель эта находилась в плоскости духовного, остальные сферы жизни рассматривались как дополнения второго плана. Переменчивый быт, какой бы он ни был, устраивал обоих влюбленных. Роскошь аристократии, впрочем без излишнего шика, легко менялась на тихий нетребовательный уют походного жилища, и даже в частых сменах обстановки они умели находить особую прелесть единения. Секрет подобного счастья достаточно прост: их взгляды устремлялись выше горизонта, оба обладали желанием бесконечного познания мира и познания друг друга в этом мире. Глубокие отношения зарождались из совместных усилий в шлифовке кристалла, через который Николай и Елена намеревались смотреть на мир. И хотя нам мало известно о чувственной сфере

этих людей, эрос, как кажется, также был частым гостем в спальне одержимых космическими планами преобразования мира людей.

Впоследствии в поисках «путеводных вех» для человечества, «всеобщего счастья» и загадочной Шамбалы они прошли тысячи горных и пустынных километров, ведя рядом и собственных детей, теряя в борьбе с суровой природой спутников, но первый вояж с молодой женой по городам России все-таки оказался самым примечательным и судьбоносным для становления семьи. И где бы они ни находились, эти мужчина и женщина творили вместе, обогащая друг друга светом, даря друг другу любовь.

Пара, способная к синтезу

Чтобы постигнуть основу жизненной стратегии этой пары, стоит воспользоваться построенной Николаем Рерихом иерархической лестницей развития человека. Тот факт, что после человека невежественного, по оценке философа, сразу же следует человек цивилизованный, говорит прежде всего о существовании у супругов иной, отличной от признанной в мире системы ценностей. Человек цивилизованный трактуется Рерихом как безликий и неотесанный пользователь достижений научно-технического прогресса, который, независимо от его формальных званий и должностей, владения ресурсами и признания обществом, ничего не способен предложить этому обществу и поэтому будет оставаться ничтожным и бессмысленным винтиком существующего мира. Человек образованный, стоящий на одну ступеньку выше, интерпретируется Рерихом как имеющий надежду на созидание, обладающий потенциалом творческого поиска, который может проявить себя, поскольку допущен к знаниям, но он может остаться нераскрытым, не способным прислушаться к собственному голосу. Наконец, лишь человек, способный к творчеству, и человек, способный к синтезу, занимают верхние ступени этой довольно оригинальной лестницы.

Система ценностей имеет прямое отношение к формированию связей как внутри семьи, так и с внешним миром. Не вызывает никакого сомнения, что сам Рерих считал и себя, и свою жену людьми, способными к синтезу, естественно, подтвердив эту позицию своим творчеством. Елена не только прошла с мужем все те тяжелые экспедиционные километры, выдержала суровые испытания в условия горных гималайских перевалов, жизнь в палатках и землянках, но и постоянно трудилась, совершенствуя внутренний мир и пропуская через свое сознание всю полученную информацию об окружающем мире, создавая рельефное представление о пройденном пути. Именно Елена стала автором «Агни-йоги», распространителем Живой Этики и создателем ряда новых форм влияния на современный социум в виде обществ содействия, музеев, форумов. Неслучайно ее называли «Матерью Агни-йоги», а еще позже санскритско-мистическим именем Урусвати (Утренней зарей, или Светом утренней звезды; этим именем впоследствии был назван и основанный Рерихами Институт гималайских исследований). Действительно, именно Елена Рерих оставалась в этой необыкновенной семье главной движущей силой, основным генератором неиссякаемой энергии. Эта неординарная женщина даже вела личную переписку с президентом Соединенных Штатов и вдохновила мужа на рискованный (в силу очевидности блефа) и вместе с тем многозначительный шаг – передачу от таинственных и неведомых «учителей» ларца с землей Гималаев «на могилу Ленину». Конечно же, и знаменитое общественно-политическое заявление Рериха – Пакт мира – было сделано не без ее влияния. Именно от нее исходила идея преломления всех существующих религий и учений, синтетически преобразованных, в единое направление, совершенное и гармоничное учение, отметающее классы, грубые формы власти и любые виды насилия – сложный путь к совершенству через перерождение личности. Мужчина в этом изумляющем плодотворностью и слаженностью действий союзе был кропотливым, наделенным сильной волей тактиком, тогда как стратегом,

взирающим на свет Божий, как астроном сквозь стекла мощного телескопа на звезды, была именно женщина.

Пожалуй, еще более весомым, чем картины и книги, оставленные семьей Рерихов, является живой и притягательный микромир их взаимоотношений. Они приняли друг друга как единственную истину, как способ самовыражения и взаимного дополнения, и их духовное единство и обоюдное стремление к самовыражению породило глубокую заинтересованность друг в друге, серьезное отношение каждого к деятельности партнера. Сосредоточенность на духовном развитии своих личностей и поиск возможностей возрождения и совершенствования человека в широком контексте создали целостность и завершенность семьи, переход любви-страсти молодости в благоговейную, наполненную осознанной нежностью любовь зрелых, духовно богатых людей. Их отношение друг к другу и стало тем чудотворным синтезом, сканированием друг друга и использованием этой, наверное самой важной для человека, информации, для искренней поддержки, постоянного ободрения и помощи в реализации идеи. Кажется, к концу жизни эта пара имела единую ауру, единое обволакивающее их энергетическое поле. Это было прямым следствием их неуклонного стремления к совершенству.

Они постоянно были вместе, росли и развивались совместно, незаметно возвышаясь над наполненным ложными ориентирами и призрачными представлениями о счастье миром материальных ценностей. Возвышаясь, они ощущали истовую и непреодолимую потребность отдалиться от этого мира. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, им, духовно развитым, вполне хватало друг друга, они без напряжения довольствовались автономным миром семьи. Для своей семьи они создали эффект подводной лодки, часто погружаясь на недостижимую глубину и выныривая на поверхность, в чуждую их духу среду, лишь для пополнения запасов. Во-вторых, они имели общую, возвышенную и благородную цель, чувствуя и развивая в себе уверенность в собственной миссии. И в-третьих, они таким образом выставляли определенный заслон, защиту от проникновения в святую семейную оболочку, оставляя свой мир семьи закрытым для непосвященных местом, садом для двоих. Может быть, поэтому некоторые современники, которым не хватало интеллекта понять представления Рерихов о мире, пытались изобразить их надменными, неприступными и высокомерными. Хотя, конечно же, Рерихи были непростыми. Неизвестно, кто из двоих являлся автором уникальных идей по созданию влиятельных островков из ослепленных благородным учением современников. Возможно, почтенное семейство сознательно лукавило, выдавая себя за пророков и посланников полубогов. Обладая способностями медиума, Елена Рерих не могла не анализировать деятельности своей предшественницы – Елены Блаватской. Владея громадными ресурсами в виде сконцентрированных знаний, Рерихи не могли не превратиться в адептов красоты, страстных поклонников праведности и культа Истины. И кажется, им, сосредоточенным на жизни, ушедшим из области самоуничтожения человека человеком, Истина действительно была более понятной, чем всему остальному миру.

Порой отвлеченный взгляд на жизнь Рерихов наводит на мысль о том, что их общественно-политическая деятельность направлялась не столько на развитие интереса к творческим достижениям, сколько на акцентирование совершенности семейного союза. Вслед за ними, один за другим, возникали и развивались созданные в различных точках планеты очаги культуры и непреодолимого тяготения к прекрасному, совершенному. Но в большей степени это были участки «фронта», призванные напоминать об имени Рериха, площадки-рассадники идей Николая и Елены.

Сначала появилось «Общество Агни-йоги» для распространения учения Живой Этики, потом Институт объединенных искусств в Нью-Йорке, затем музей Рериха в США, еще позже – собственный журнал «Урусвати» и одноименный Институт гималайских иссле-

дований в Кулу. И в значительной степени, как на уровне идей, так и на уровне их реализации, эти проекты явились воплощением «двойной» мудрости. Крайне важным является один знаменательный и судьбоносный для этой семьи штрих: Рерихи духовно росли вместе, вместе преодолели и земное притяжение мира людей, поднявшись над властью, правилами, правилами материального бытия. Двигаясь тихой поступью, они неожиданно выросли до исполинов в области утверждения ценностей.

Рерихи обладали завидной фантазией и впечатляющей способностью использовать указатели древних миров в современном мире. Общества и институты, заявления, призывы и созданные символы (типа знамени Рерихов) – все это открылось благодаря долгим размышлениям, осознанному синтезу и отчетливому пониманию происходящего на планете. Эта развитая тренированным разумом интуиция вела их по жизни, сохраняя и позволяя нести Благоую весть и прославлять Красоту. Возможно, с излишним пафосом, находясь в плену своих собственных гипнотических воззрений, они отчаянно стремились насытить всех живущих теми замечательными открытиями духовного превосходства, которые дает долгая близость к Природе и ощущение Любви. Порой создается впечатление, что они вообще жили в ином, параллельном мире, отделенном от нашего незримой стеной, создавая могучую крепость для посвященных в Любовь.

В течение всего шестивия по жизни они демонстрировали способность изменяться, духовно расти. Все происходит постепенно, и даже избавление от дурных привычек, собственных окружающим в период взросления и формирования, случается под влиянием осознанной борьбы с собой. К примеру, отказ Николая Рериха от охоты как способа убийства неспособных защититься животных произошел вследствие глубокой трансформации сознания, сложных мыслительных процессов, в которых неизменно присутствовала незримая тень женщины-путеводительницы, его жены.

Ни нервный, познанный еще в юности Париж, ни шумные и суетные Соединенные Штаты, приветливо встретившие уже зрелую семью в бурлящее послереволюционное время, не могли дать Рерихам гармонию спокойствия и умиротворения, к которой они стремились. Может быть, упрямые поиски таинственной Шамбалы лишь символизировали движение в тихую гавань, защищающую от ветров мятежей, раздоров и хаоса?! Это было, вероятно, вынужденное бегство от ошалевшего мира, фатально утопающего в крови и насилии. Укутав свое счастье неприступными снегами Гималаев, они говорили человечеству о правильном способе жизни, и в этом, возможно, главная заслуга и главная миссия этой пары, заглянувшей за ширму бытия.

Презрев милости власти, уют налаженного быта, прелесть цивилизации, они ринулись выполнять придуманную ими самими таинственную миссию. Они неизменно стремились к ощущению собственной исключительности, неповторимости – только так можно было прикоснуться к вечности. Ведь не случайно еще молодым, гостя в Париже, Рерих написал в своем дневнике: «Лучше пройти каким угодно подземным ущельем и вынырнуть полезным и здоровым источником, нежели литься широким руслом и служить для поливки улиц». И он своей жизнью продемонстрировал, что «служить для поливки улиц» – не его удел. И хотя одни обвиняли Рериха в сотрудничестве с гнусным коммунистическим режимом, другие, такие как Репин, упрекали в недостаточной художественности и несовершенстве его живописи, жизнь этого человека находилась под защитой двух величайших и прочнейших в мире щитов: любви и созидательного труда, направленного на совершенствование себя и всего сущего. Елена же в этой самозабвенной борьбе оказалась его лучшим приобретением, самым надежным источником пополнения жизненных сил, вечного и неустанного ободрения, направления на путь великой миссии. Они прошли по жизни рука об руку, счастливые, духовные, осознающие собственную ценность для потомков. Что же касается некоторых пассажей относительно руководства жизнью Рерихов всеильными сценаристами с

Лубянки, заметим, что те, кто создал эти слухи о жизни «агента» Рериха, слабо разбираются в психике и мотивациях творца. Рерихи вполне могли играть с режимом и сколь угодно много лукавить, но приписываемая им «агентурная» деятельность не могла входить в противоречие с исключительной философией творчества. Можно допустить, что живописец «балует» политикой или дипломатией, но никогда – наоборот, когда речь идет о фанатичной преданности идее созидания. Скорее тут присутствует искреннее желание Рерихов помочь Родине утвердиться на международной арене, но это желание никогда не противоречило жизненной стратегии семьи. Скажем, они могли организовать экспедицию, потому что сами этого желали, при этом они и не брезговали помощью, но отнюдь не потому, что кто-то организовал их. Возможно, есть еще одно объяснение контактов с Советами, связанное с ощущением и пониманием опасности режима. Но с советской, как и со всякой иной властью, они жили в параллельных мирах, никогда не пересекаясь. Творцами такого калибра управлять невысказано, но с ними можно договариваться, используя совпадение интересов. Действительной же слабостью Рериха-человека всю жизнь оставалась сверхъестественная ностальгия по Родине, пламенная любовь к земле, где он родился. Это, конечно, подтверждают и приготовления семьи к возвращению в СССР после окончания Второй мировой войны. Пожалуй, это единственная недалёковидность мыслителя, продиктованная навязчивым, пожалуй, уже старческим желанием вернуться в родные места. И вероятно, философ и не предполагал масштабов тех изменений, которые произошли в России, не осознавал, что это уже совсем другая страна, населенная иным народом с совершенно иной психологией.

Как многие самоотверженные творцы, Рерих изумляет своей работоспособностью. И кажется, что это могучее и непреодолимое желание творить подстегивалось все более ужасающими изменениями мира. Рерихи словно предвидели надвигающиеся катастрофы, ускользая всей семьей с конфликтной плоскости мирского и переходя на все менее достижимую плоскость жизни отшельников, исследующих белые пятна планеты. Нельзя исключать, что хитроумные Николай и Елена поддерживали интерес к себе благодаря осторожно развиваемому мифу о своей духовной связи с гималайскими учителями. Легендарная Шамбала, как исчезающая и снова появляющаяся планета, манила сильных мира сего. Вернее, манила мудрость учителей, благодаря которой наивные разрушители надеялись стать еще более могущественными. Признанные же экстрасенсорные силы и потрясающая, космическая пронизательность Елены Рерих сослужили семье добрую службу. Что же касается невротических ощущений Елены и галлюцинаций, о которых упоминают, к примеру, Елена Обоймина и Ольга Татькова в книге «Русские жены», то вряд ли чья-либо будоражащая сознание способность нащупывать нити тонкого мира, скрытого от большинства, может служить точным определением душевного расстройства. И хотя семейный врач четы Рерихов в Индии Яловенко писал, что «она больна нервной болезнью, которая называется эпилептическая аура», уравновешенный и осознанный характер взаимоотношений супругов, напротив, свидетельствует о феноменальном душевном здоровье, сосредоточенности и самодостаточности каждого из них.

Да и вообще гораздо более важными являются другие свидетельства о вере Николая Рериха в сверхъестественные способности своей жены и готовности принимать ее советы как руководство к действию. Сам Рерих, человек с высокими аналитическими способностями, похоже, признавал космические возможности своей спутницы, ее более глубокое и в то же время более объемное видение мироздания. Это придает этой семье некое сходство с альпинистами, которые уверенно прошли по краю опасного обрыва, или с саперами, которые покинули минное поле, оставшись невредимыми. Порой трудно не поддаться впечатлению, что эта одухотворенная женщина сыграла роль мистического ангела и провела свою семью по жизни праведной и безопасной дорогой. Но разве не были эти «высшие знания»

результатом длительной и напряженной работы двух объединившихся разумов с развитой способностью ясно видеть суть своего пребывания в этом мире?!

Двойная миссия

Как в немногих семьях, которые без преувеличения можно называть выдающимися, у Рерихов женское начало играло первостепенную движущую роль. Елена с ее необыкновенной душой в этом союзе действовала как напалм, прожигая насквозь не только всяческую тревогу, но и саму душу мыслителя. Воспламеняющийся грандиозным факелом от ее неистовой внутренней силы, Николай мог отбрасывать все внутренние сомнения, отвергать все свои слабости и смело двигаться навстречу вечности. Она стала предвестником явления миру нового Гуру, он же крепко держал в руке ее горячую руку, ведя за собой по пути, указанному ею и выверенному вместе. «Держательница мира» – так назвал живописец полотно, посвященное своей жене, подчеркивая одновременно и ее личную заслугу в самореализации их обоих, и ключевую роль женщины в семье, в общности людей, в мире в целом. В его понимании, признании и уважении великой роли женщины заложен один из самых важных принципов успешной семейной архитектуры, предвестник духовного единства и осознанного духовного развития. В конце концов, вопрос успешности семьи – это вопрос отношений между ее членами, а еще – неодолимая вера в своего спутника. Рерих черпал духовные силы в своей жене, когда приходили минуты отчаяния и бессилия, и ничуть не стеснялся этого. «Без Тебя не сдвинуть этих громад, висящих надо мною. Помнишь ли, в сказке... требовалась молитва чистой девушки, чтобы спасти кого-то откуда-то. Чистая женщина невидимой рукой ведет мужчину далеко», – писал он жене. И она всегда находила силы для ободрения и поддержки. Мужчина сам поднял значение женщины – в союзе двоих, в обществе, в миропонимании. Это открыло ей путь для благородной и величественной миссии, заключающейся в утверждении новой роли женщины. «Все переживаемые и грядущие бедствия и космические катаклизмы в значительной степени являются следствием порабощения и унижения женщины. Грядущая эпоха будет эпохой не только Великого Сотрудничества, но и эпохой женщины», – писала Елена Рерих, и это она оставила в наследство будущим поколениям. Вся ее жизнь оказалась «эпохой женщины», созидательной, почитаемой и любимой, поэтому она хорошо осознала свою миссию.

Никто так хорошо, как эта спокойная женщина с пышными волосами и глубокими, как звезды, глазами, не знал, чего на самом деле жаждет такой многогранный исследователь, каким был Николай Рерих. Она сдерживала его, не давала рассредоточиться, словно связывая в единый пучок все усилия, осторожно, но настойчиво, не позволяя расплыть силы по сторонам. Она осознавала, что, как всякий творец, ее муж желает распространять свое влияние как можно шире, как всякий мужчина-завоеватель, он стремится обладать всем миром. Но именно женская мудрость Елены помогла выработать такую форму общения с миром, которая позволяла минимально ощущать давление цивилизации и максимально воздействовать своей теорией на это пространство, превратив жизнь в миссию. Ведь эта крепкая семья не довольствовалась тихой жизнью в удаленном гнезде на краю мира: очень многие действия Рерихов выдают их желание сохранить информацию о себе, торпедировать все мировое общественное сознание кумулятивной струей своих оригинальных, пусть часто и утопических идей. Музей Рериха в США, открытый при жизни живописца, многочисленные общества Рериха и Институт Урусвати в Индии, уже упоминавшийся Пакт мира, пусть и банальный, но величественный в своей недостижимой простоте, гималайские экспедиции с их сомнительным успехом и сонм полотен с их пусть противоречивой художественностью, но неоспоримой философией, наконец, мифическое и таинственное «общение» с махатмами, незримыми учителями из тонкого, непостижимого мира – все это ставит семью

Рерихов в один ряд с уже упоминавшейся Еленой Блаватской, отдаляет семью от мирского и понятного всем, дарит исключительность и неповторимость. Каждое их действие, будь оно вырвано из контекста, казалось бы актом неудавшейся рекламы. Сложенные же в единую цепь, их поступки, подтвержденные невероятной работоспособностью Николая Рериха – живописца и литератора, ученого и философа, – создают совершенно новую, доселе невиданную формулу взаимоотношений с миром. И кажется, победа Рерихов (а она бесспорна в силу приятия его идей и чувственно-эмоционального восприятия энергетики его полотен) стала возможной благодаря виртуозно созданной ипостаси семьи как философской команды нового толка, как обособленной и абстрагированной от всего остального мира, мало понятной большинству обывателей цитадели мудрости. Рерихи представили миру иное воплощение союза мужчины и женщины, и во многом благодаря этому их остальные идеи оказались воспринятыми с трепетным восторгом, их повторяют шепотом, как молитвы. Потому что до них миру еще не являлась такая семья, которая бы посвятила жизнь двойной мудрости: фокусированию интереса к новым истинам и открытию нового формата брачного союза, в котором муж и жена являются и достойными партнерами, и носителями сакральной тайны – искусства преодоления земного притяжения. И право, неизвестно, какая их миссия – поддержание пламени искусства или возвеличивание любви и семьи – является более весомой. Если исполинскими творческими порывами мир удивляли многие, то созданием идеальной семьи с гармонией микромира внутри – только единицы.

Что ж, у этой семьи в руках оказались все нити творческого и человеческого счастья. Старательно лепя в коллективном воображении фигуры Счастья, Света и Красоты, Рерихи сумели одарить себя главными плодами любви – прекрасными детьми. Сами представлявшие яркую и даровитую русскую интеллигенцию – ту, у которой манеры и ощущения как бы подтверждены генетически, – Рерихи и детей смогли увлечь этой незримой и обволакивающей силой высших знаний, умиротворения и стремления к гармонии во всем. Действительно, Николай и Елена могли бы гордиться потомством, возвращенным в походах и вечных скитаниях по миру, воспитанным в духе почитания высших духовных ценностей и, тем не менее, не лишенным самостоятельности. Последнее оказалось предвестником сыновней ответственности за каждый предпринятый шаг и сознательных ставок на деятельное творчество. Оба сына Рерихов получили блестящее образование, продемонстрировав стремление к обширным знаниям. Конечно, они с молоком матери впитали страсть к самовыражению, а их уверенность в себе во многом была обусловлена атмосферой взросления в такой исключительной семье, когда дети до окончания формирования основных черт характера не сталкиваются с разрушающими духовный фундамент раздражителями. Защитная оболочка, созданная Еленой Рерих для семьи, полностью распространялась и на детей. Она часто находилась с мальчиками за пределами суетного мира, а бесконечные поездки за границу сделали из детей настоящих граждан мира. Вот лишь один из наглядных примеров, приводимых исследовательницей творчества Рерихов Еленой Поляковой: «В 1906 году Николай Константинович ездит по Италии, Елена Ивановна с мальчиками в Швейцарии; старшему сыну четыре года, младшему – около трех. Юрик бойко говорит по-французски, жаль, что нет французенки... Светка [Святослав] тоже выказывает большую способность к французскому языку...» В четырехлетнем возрасте младший сын уже пишет отцу: «Я не писал тебе потому, что я учусь полчаса по-немецки и час по-русски». Образование для русской аристократии было органичным продолжением воспитания, потому дети воспринимали учебу как неотъемлемую часть жизни, как умывание или обед. А проникновенная Елена с жаром приняла роль доброй и блистательной феи, сглаживающей трудности детей и деликатно стимулирующей мужа к новым исканиям.

Дети стали еще одним убедительным доказательством силы любви и правильности избранного пути. И дело тут вовсе не в безупречном образовании, которое родители обес-

печили сыновьям. Получив исключительные знания языков все в той же гимназии Карла Мая, Юрий закончил индо-иранское отделение Школы восточных языков Лондонского университета (степень магистра индийской филологии он получил в знаменитой французской Сорбонне), а Святослав после архитектурных курсов Гарварда и Колумбийского университета продолжил путь отца в живописи. Их, как сосуды, доверху насытили идеями величиной с восьмьютысячники Крыши мира, доверив целые направления и возможность продолжать дело родителей. Как часто бывает в таких случаях, они выросли только до старательных копий родителей, но гордо пронесли знамя семьи, не опустив головы и не уменьшив авторитет пленительного звучания этого повсеместно известного и в наши дни имени.

Можно по-разному относиться к мифологизации этой семьи; кто-то воспримет причисление себя к пророкам и посредникам в общении с гималайскими учителями как фарс и позерство, кто-то станет молиться их священным мощам, кто-то понимающе кивнет: все средства хороши, когда речь идет о блеске семейной марки. Ради такого стоит постараться! Не пытаясь выявить уровень искренности неординарной семьи Рерихов и тем более не стремясь уличить их в лукавстве, заметим лишь, что они мастерски и предприимчиво обустроили свои взаимоотношения с миром, заставив его работать на благо собственной семьи. Какая разница, как там все было на самом деле, если эти мужчина и женщина, эти отец и мать, эти творец и муза были счастливы?! И не смеялись ли они над всем остальным миром с его войнами, революциями, экономическими и политическими кризисами, НКВД и сумасбродством непримиримых борцов за единоличную силу-власть?! Нет! Определенно, не смеялись. Глядя сверху, с предгорья Крыши мира, на суету развращенного, ослепленного и дезориентированного, погрязшего в пороках человечества, эти отважные люди могли лишь умиротворенно и иронично улыбаться, осознавая в душе тщетность стремления помочь всем, но все-таки посылая сигналы жаждущим измениться. К окончанию же своего жизненного путешествия эти испытавшие счастье мужчина и женщина все чаще бросали взоры не на людей, копошащихся на бескрайних просторах планеты, а ввысь, на застывшие заснеженные вершины, неприступные и нетленные в своей необузданной красоте – непокоренные символы могущества всеобъемлющей тишины, силы, влияния и совершенства Природы.

Связан ли уход из жизни Николая Рериха с тем, что им отказали во въездной визе в СССР, как полагают некоторые интерпретаторы его биографии? Это вопрос важный, но вторичный с точки зрения оценки наследия пионера извилистых троп Истины. В преклонном возрасте Николай Рерих мог заблуждаться относительно изменений на далекой Родине, но скорее всего желание возвратиться, кроме ностальгии по родному краю, связано было еще и с твердо вызревшим намерением оставить свои творения на родной земле, где шансы стать понятным и расшифрованным возрастали в десятки раз. Не вызывает сомнения, что до последней минуты художник думал о преломлении своего творчества сквозь призму будущих лет, его заботило распространение ростков своей философии, передача духовных ценностей тому обществу, из которого он вышел, с которым имел единые корни и говорил на одном языке. Он уже не был чужаком в Гималаях, но большая и разобщенная Индия с открывшейся кровавой индо-пакистанской раной была для него все-таки чуждой землей, оставить которой самое сокровенное престарелый философ не желал. Свой возвышенный, воспламененный идеей дух он хотел перенести на Родину, ибо осознавал, что там, в среде близкой славянской духовности, он будет по достоинству оценен как мыслитель и носитель обновленной веры. Сталина с его НКВД и ГУЛАГом он относил ко временным явлениям. Еще более вероятно, ослепленный собственной целью и сосредоточенный на маяках вечности, он просто не воспринимал чудовищного режима, заигрывал с ним в надежде на содействие развитию рериховского пространства после своего ухода в иной мир. И в конце концов, Рерих не ошибся. Это следует хотя бы из того, что и само учение, и напутствия этой неординарной семьи овеваны ветрами славы на славянской земле, признаваемы здесь более,

чем где-либо еще на планете. Души Рерихов могли бы с удовлетворенным снисхождением принять отвержение и даже смерть от темных сил, властвующих на Родине, ведь они успели высказаться, ни разу не изменив своему жизненному кредо. Их жизненная стратегия оказалась настолько четко и однозначно выраженной, что могла бы показаться прямой линией, начертанной под линейку. И если это так, то даже имей место сотрудничество с СССР, его можно было бы оценить как службу близорукого режима Рерихам, а не наоборот.

Некоторые строгие исследователи критиковали Рерихов за утверждение банальных истин, за их патетическое, «нелитературное» изложение, за посредственную художественность полотен живописца, за его не слишком живую, стоящую в тени коммунистического режима философию фантастических истин. Но даже если принять во внимание эти выпады, если не называть предвзятостью нападки на мировоззренческие концепции мыслителя, если считать часть жизни Рерихов рискованной игрой с советским режимом, то и в этом случае мы имеем дело с выдающейся семейной командой, виртуозной обработкой окружающего мира и особенно безликих представителей силы-власти. Жизнь Рерихов и при такой трактовке кажется безупречно сыгранной мелодией, спокойной и гармоничной песней людей, сконцентрированных на своей миссии нового преподнесения Красоты, пары, иронично взрывающейся на хаотичное перемещение молекул-людей, не осознающих бредовой бессмысленности своего пребывания на Земле. Восторженные и отрешенные, до безумия влюбленные в красоту искусства, ускользнувшие от преходящих страстей продажного мира, хаоса войн и побоищ, они, несмотря на то что их обостренная восприимчивость порой кажется непростительной инфантильностью, сумели создать новый символ – божественный, бесподобный и вечный знак величия семьи. В любом случае мы имеем дело с уникальным и, наверное, первым феноменом, когда чудесное полотно ткут не две, а четыре руки. Может быть, именно это и есть новая философия жизни и прославление Вечной Любви?!

Альберт Швейцер и Елена Бреслау

Высшее вдохновение этого момента не в том, что двое поклялись в своем сердце жить друг для друга, а в том, что они приняли решение в сердце своем жить вместе для служения какому-то делу...

Альберт Швейцер. Выступление во время церемонии венчания подруги своей жены

Она обручилась не только с человеком, Альбертом Швейцером, она обручилась также с работой, к которой побуждало его призвание.

Альберт Швейцер. Речь на похоронах своей жены Елены Бреслау после сорока пяти лет совместной жизни

Мне всегда нравился обычай древних германских племен, согласно которому женщины стояли за линией боя и вручали своим мужьям оружие. Если перевести это на язык нашего времени, то женщина отдает мужчине то, что ему нужно, – хлеб, вино, свои мысли и свою любовь.

Елена Бреслау-Швейцер. Высказывание после вручения Альберту Швейцеру Нобелевской премии мира

Мир Альберта Швейцера и Елены Бреслау глубоко духовен, нравственен и пронизан идеями гуманизма и любви к ближнему; он подкупает, прежде всего, альтернативностью миропонимания и, соответственно, взгляда на союз

мужчины и женщины. Эта семья принадлежит к числу очень немногих пар, в которых двое одновременно уловили дуновение духовной катастрофы, крушение общечеловеческих ценностей и сумели осознанно противопоставить расширяющемуся пространству всеобщего варварства индивидуальную этику.

Не ведающая границ сосредоточенность Альберта Швейцера на активной полезной деятельности в мировой истории сравнима разве что с масштабностью личности Леонардо да Винчи, а фундаментальные труды в области теологии, этики, музыки и медицины обширны и колоритны настолько, что могут считаться узкоспециальными для каждого из этих направлений. Его непрерывная практическая забота о человеке и обо всем живом, искренне и стойко поддерживаемая Еленой Бреслау, призывала изменить внутренний мир человека, его покрывшееся коррозией миропонимание и угасающие устремления. Если такие знатоки внутренних побуждений человека, как Артур Шопенгауэр и Фридрих Ницше, беспощадно клеймили его двойственную природу, то такие стойки, как Альберт Швейцер, пытались своим примером обратить взор человека к лучшим возможностям, облагородить и усовершенствовать беспокойную и противоречивую его суть. Почти совершенный жизненный союз мыслителя и его единственной спутницы, как и тяжелейшая работа в больнице в африканском Ламбарене в течение полувека, явился надежным подтверждением жизнеспособности стратегии одиноко борющегося человека, или, как он сам выразился, свободной индивидуальной деятельности. Благоговейное отношение к семье являлось неотъемлемой частью миропонимания Швейцера и его жены. Сам по себе их брак не являлся культом, но оказался формой отрешенного служения совсем другому символу. Как это ни удивительно, именно в служении миссии и отречении от всего мирского семья Швейцеров приобрела оттенок святости, ореол исключительных отношений, которые могут возникнуть между мужчиной и женщиной.

Альберт Швейцер рано пришел к выводу, а увлекаемая им Елена безоговорочно приняла, что ни христианство, ни какая-либо другая общественная или религиозная система,

проповедующая всеобщую любовь, не способна противостоять пробуждающемуся демоническому инстинкту в массовом сознании начала XX века. Слишком многочисленная и могущественная орда отступников от идеи любви вынудила мыслителя искать парадоксальную формулу влияния на окружающий мир, выступить с весомыми доказательствами обратного, убедить, что человек внутренне стремится не только к ненависти и разрушениям, но и к любви и созиданию. В итоге через десятилетия самозабвенного труда произведенная на свет концепция жизни и любви этой пары, противопоставленная беспредельной разрушительной силе деструктивного в человеке, достигла высоты величественных снежных пиков Крыши мира как раз благодаря последовательности и терпению. Сам по себе брак Альберта Швейцера и Елены Бреслау был как бы включенным в систему доказательств, поэтому может и должен рассматриваться без отрыва от их общей жизненной стратегии. Эта пара приобрела невероятный авторитет по одной причине: каждый день они посвящали тому, чтобы отговаривать у самоуничтожающейся цивилизации хотя бы одну жизнь, создать пусть крохотный и в чем-то утопический, но стойкий островок веры в любовь. Вся огнеупорная философия Швейцера может уместиться в его единственной фразе, произнесенной после того, как он узнал об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки: «Когда одной-единственной бомбой убивают сто тысяч человек – моя обязанность доказать миру, насколько ценна одна-единственная человеческая жизнь!»

Ключ от сокровищницы внутренних миров

В детстве Альберта Швейцера, второго ребенка добропорядочного гюнсбахского пастора и дочери священника, есть несколько принципиальных нюансов, отложивших отпечаток на его мировоззрение и легших в основу его будущей необычной концепции служения человечеству. Начать стоит с того, что атмосфера упорядоченного немецкого быта отличалась даже от окружающего социума совершенно удивительным симбиозом полной свободы и всепоглощающей христианской любви. Но в религиозном служении пастора и его жены не было беспредельного фанатизма служителя культа; он органично заменялся доброжелательностью и чистоплотностью в отношении всего окружающего мира, незаурядной и неискоренимой любовью к живому, эмоциональной близостью к природе. Можно даже говорить о дефиците привычного для маленького проповедника смирения (вспомним метафорическое замечание одного из биографов Швейцера, что в богословии пастора «было больше солнца, чем громов и молний»). Жизнь и взросление Альберта в окружении величественной природы Эльзаса на фоне нравственности, религиозности, постоянно звучащей музыки и родительских принципов создали у мальчика особое, утонченное восприятие живого и дышащего. В какой-то степени его детство может быть сравнимо с прорастанием загадочного растения в условиях солнечной теплицы; получая в мире взросления положительные импульсы, он был если не защищен полностью от контакта с деструктивными раздражителями, то этот контакт был трагичен. Именно тут, под покровом доверительно раскрывшейся Природы и ранних понятий о предназначении Человека, зародилось прорвавшееся в сорокалетию возрасте пророческое озарение, выразившееся в благоговении пред Жизнью. Отсюда также берет начало приверженность семейным традициям, которая у Альберта Швейцера прослеживается практически во всем: в изначальном мировоззренческом гуманизме, беззаветной любви к органной музыке, первом выборе профессии (как и отец, он стал пастором в достаточно скромном приходе), в отношении к семье. Так же как и отец, Альберт с благоговением относился к браку. Но со временем Швейцер, благодаря непостижимой сосредоточенности, сумел развить доставшиеся в наследство традиции, которые стали отправной точкой в формировании жизненной стратегии. Его восприятие, рожденное в атмосфере любви и родительской порядочности, не только оказалось стойким к раздражи-

телям, но и совершенно не воспринимало даже запаха вульгарного, загрязненного, пораженного пороком. Оно действовало как желудок, совершенно не принимающий отравленной пищи и мгновенно выбрасывающий ее, не пуская продуктов расщепления в кровь. Начав с более проникновенного, чем у сверстников, по-детски умиленного и духовного отношения к животным, он пришел к формуле, выросшей до знаменитого и величественного философского выражения *Ehffurcht vor dem Leben* — «преклонение перед жизнью». Этот лозунг, создав основу его индивидуальной этики, навеки освятил и брачные отношения, наполнил понятие семейного блага и счастья сакраментальным таинством. Желание жить и помогать ближнему приобрело новую интерпретацию – обязательно находиться в пространстве счастья и создавать для ближнего такое пространство. Разумеется, жена, дочь, родители – самые близкие, самые родные существа для Швейцера – попали в область притяжения его всеобъемлющей любви, источаемой во благо окружающего мира. В силу раннего стремления к познанию мира и мягкого отклонения признанных авторитетов его любовь никогда не была экзальтированной восторженностью; ее мерилom никогда не становились страстные объятия. Его пространство любви создавалось достижением исключительной душевной гармонии, абсолютного доверия, искренности и полного познания друг друга. Такая любовь позволяет проникнуть в малодоступную зону умиротворенности, в которой все любят и все любимы, но любовь, не являясь самоцелью, позволяет лучше сфокусировать внимание на высоких духовных целях. И кажется, что именно эта развитая способность к любви позволяла Альберту Швейцеру и Елене Бреслау ускользать от всепроникающих атомов суеты, игнорировать мирское неверие в святость человеческих отношений и чистоту любви.

Представляется важным, что с первых лет жизни Швейцера животные были такими же равноправными обитателями его мира, как и люди. Ощущение страданий животного с раннего детства было в нем особенно обострено. Взрослым он со щемящей тоской вспоминал одну и ту же жуткую картину: крестьянина, который гонит на живодерню хромого, спотыкающуюся лошадь, безусловно знающую о приближающемся насильственном конце. Эти ощущения с годами переплелись в нем с осознанием демонических устремлений человечества, ощущением приближающегося духовного Армагеддона, выражающегося в отказе от личностной этики, позитивного мышления и вообще стремления к совершенствованию личности. Это сформировало одну из мотиваций решения организовать для себя иную форму деятельности, выскользнув из лап хаоса и абсурдно меняющегося, слепящего мира, движущегося навстречу духовному вырождению.

Борис Носик, автор обширного биографического исследования жизни Альберта Швейцера, обращает внимание на важный штрих – иерархию идеалов в представлении будущего мыслителя: «Отец, Иисус, Бах, Гете». Тот факт, что отец оставался в представлении Швейцера первым авторитетом, во многом объясняет прикладной характер его деятельности и утилитарность творческих изысканий. Отец был, прежде всего, живым человеком, стоящим в ряду признанных символов; отец дал ранним исканиям сына строгую привязку к жизни – ценность представляло лишь то, что можно реально применить. Это была та пуповина, которая всю жизнь удерживала его в зоне действий человека, не позволяя нырять в глубь утопических иллюзий. Но именно отец открыл Альберту истины трех самых важных для него плоскостей бытия: Бога, лишённого чудес, но наделённого человеческими принципами; музыки (например, небесное звучание органа) и неоспоримых истин литературы. Духовная непорочность и естественная чистота того простого мира, в котором рос Альберт Швейцер, породила его высокую восприимчивость, которая оказалась наиболее важным фактором формирования его особого миропонимания. С одной стороны, он «вместе со своими тремя сестрами и братом счастливо провел юношеские годы», с другой – с детства начал представлять панорамные визуальные картины всего того, что чувствовал. Он не был отменным учеником в школе и априори, в силу совершенной зачарованное™ свободой, не мог

мыслить рамочными категориями, подобно послушно зубрящему церковные догмы семинаристу, видящему в учителе первого пророка. Альберт Швейцер, в восемь лет прочитавший данный отцом Новый Завет и в столь юном возрасте нашедший множество несоответствий в книге, которую другие всю жизнь воспринимают как не подлежащую сомнению аксиому, очень рано усомнился в том, что во всем можно полагаться на учителя. И все-таки стоит оговориться, что в раннем возрасте по степени влияния на восприимчивую натуру мальчика на первом месте была музыка. Звуки рояля и органа, подаренные отцом, навсегда покорили его душу, очаровывая и окрыляя всякий раз, когда он мог впитывать и поглощать их всем своим существом; с детства музыка стала самой желанной пищей для души и оставалась универсальной микстурой от самой безумной усталости до конца дней. «С пяти лет отец стал давать мне уроки на стареньком рояле... В восемь, едва мои ноги стали доставать до педалей, я начал играть на органе», – вспоминал Швейцер. Это не могло не отразиться на восприятии всей картины мироздания, отношении к людям. Его этические принципы оказались следствием определенной гармонии расположения частиц в непринужденно сформированной системе. Как великолепный парк может быть создан при условии наличия мудрого дизайнера и свободно развитой природы, так и миропонимание Альберта формировалось под влиянием нескольких потоков сокровенной информации: безудержной свободы и религиозного милосердия, ослепляющей сознание музыки и бередящих душу книг.

От матери Альберт унаследовал не только поразительную скрытность, но и невероятную стойкость к трудностям. Среди переживаний детства биографы отмечали не столько то, что он «рос в скромном достатке», сколько его удивительную для раннего возраста реакцию на финансовые ограничения семьи. Вместо того чтобы поддаваться почти повальному для юношей и девушек влечению выглядеть симпатично и щеголевато, он напрочь искоренил в себе такие импульсы. Ему ненавистна была даже мысль, что из-за него родители будут испытывать дополнительные трудности и отказывать себе в необходимом. Альберт нарочно ходил в одежде, из которой давно вырос; перешитое отцовское пальто он отказывался надевать, чтобы не произвести на окружающих впечатление, что он из состоятельной семьи. Первоначально он убедил себя, что в бедности нет ничего порочащего; позже, когда создал для себя систему ценностей, вообще перестал придавать значение одежде и быту. Однажды узнав о мучительных попытках матери вести хозяйство за гроши, Альберт Швейцер отказался придавать значение материальному в своей жизни. Бесконечные заботы бедной матери о том, чтобы дети выглядели прилично, вызывали в нем обостренную неприязнь ко всему, что можно приобрести за деньги.

Еще одним кирпичиком, образующим сложную незаурядную личность, оказалась вынужденная ранняя самостоятельность. В возрасте десяти лет Альберт Швейцер, чтобы продолжать учебу, столкнулся с необходимостью оставить семью и жить у довольно строгих родственников. Не имея собственных детей, дядюшка и его ершистая супруга сосредоточились на племяннике, очевидно, намереваясь вышколить его, как балетного танцора. Наслаждению свободой пришел конец; бесшабашное времяпрепровождение сменилось напряжением воли под неукоснительным напором чисто немецкой требовательности. По всей видимости, на растущую в нем мотивацию к учебе повлияли сразу несколько взаимосвязанных факторов. Во-первых, упорство со стороны родителей, которые не имели средств оплачивать его учебу, но договорились с родственниками о своеобразной помощи; для ответственного и жалостливого мальчика была невыносимой мысль принести в семью позор. Во-вторых, неожиданно встреченный на жизненном пути учитель, который «научил правильно работать и придал уверенность в своих силах», на всю жизнь оставшись в памяти «образцом того, как следует выполнять свой долг». Наконец, книги. Если мать открыла ему благородных рыцарей Вальтера Скотта, то гимназистское время у родственников, несмотря на щемящую тоску по семейному теплу, подарило знакомство с литературными столпами. Альберт

даже не постеснялся сотворить идола для себя – Гете. Он рос впечатлительным мальчиком с тонкой, ранимой и абсолютно не воинственной душой. Ощущения беспросветной бедности наряду с отсутствием жажды обогащения, а также яркий свет знаний и познание в ранние годы чувство красоты гнали его туда, где он мог бы обрести себя, раскрыться, стать кем-то. Однозначно, это должно было быть место, стоящее на прочных сваях основательных знаний.

Тот факт, что Альберт Швейцер провел годы взросления на территории, бывшей предметом извечного спора между Германией и Францией, также наложил заметный отпечаток на его сознание. Привитому в детстве стремлению к свободе и саморазвитию претила необходимость принадлежать к какой-либо общности по принципу завоевания; его личная культура с яростной жаждой позитивной активности не воспринимала разделения мира на враждующие части и стимулировала приобретение статуса жителя мира. Враждебности он противопоставлял идеологию всеобщего сотрудничества. Будучи немцем по паспорту, он уже в молодые годы сделал попытку отмежеваться от дикости цивилизации: сначала написал книгу о Бахе на французском, затем создал еще более обширный труд о композиторе на немецком. Неудивительно, что много лет спустя Нобелевский комитет колебался относительно национальности Альберта Швейцера, когда присуждал ему престижную премию. Он же относился к ситуации с нескрываемым сарказмом; ибо жил всю жизнь как житель всей земли, трудясь для всего мира и не деля его на участки с оградой.

Альберт Швейцер не был тяжело взрослеющим молодым человеком; он просто долгие годы жил в себе, в замкнутом, законсервированном пространстве. Даже будучи глубоко социальным и жаждущим общения, он всегда встречал трудности в понимании со стороны окружающих. Он как будто был открыт к общению и вместе с тем оставался расплывчатой фигурой в широкой мантии, складки которой надежно скрывали контуры его необычной натуры от проникновения нескромного взгляда. Раскрывался он в молодые годы нечасто, и этому явно не способствовало его развитое мышление, при помощи которого он, словно щупом осторожного и вместе с тем настойчивого сапера, обнаружил множество такого, что заставляло сознание вздрагивать и удивляться, почему окружающие не осознают очевидного. Это очевидное, обнаруженное им во время скрупулезных поисков, слишком часто противоречило общепринятым понятиям. Кажется, такой способ формирования личности привел его к довольно позднему для мужчины решению соединить свою жизнь с другим пришельцем в мир, гостем противоположного пола.

Будущая жена Швейцера также может быть отнесена к небольшой когорте весьма оригинальных представителей людского племени. И дело тут не только в том, что не просто попасть в фокус внимания человека, одержимого научными исследованиями и поиском пути спасения души в дичающем мире. Фокус взаимоотношений со Швейцером для любой девушки состоял бы в том, чтобы принять абсолютное отвержение цивилизации, иметь иной взгляд на положение вещей, причем не только видеть мир, вывернутый наизнанку, но и осудить существующую систему ценностей. Конечно, молодому ученому повезло, когда он встретил Елену Бреслау, ибо крайне трудно представить, какая еще женщина из его окружения могла бы соответствовать незаурядным взглядам Швейцера, слишком явно выходящим за рамки общепринятых норм. Связать жизнь со Швейцером значило осознанно готовиться к жизни на полюсе, в условиях отвержения всех норм.

Елена являла собой тот тип самостоятельных и чрезвычайно мотивированных к осознанной деятельности женщин, который все чаще стал проявляться в прогрессивных кругах Европы второй половины XIX века. Возможно, формированию активного мышления способствовало ее появление на свет в период подъема женской самостоятельности, характерной для выходцев из интеллигенции того времени, где юноши и девушки имели едва ли не одинаковый уровень свободы. Когда молодой пастор Швейцер встретил ее, она была способна на поступок, в ее глазах горело пламя готовности к осознанной деятельности, к само-

пожертвованию, и для проповедника, находившегося на пороге принятия главного решения в своей жизни, было ясно: она – это его, да что там – их общий шанс.

Елена происходила из интеллектуальной еврейской среды, формировавшей ядро европейской академической науки; ее отец, Гарри Бреслау, некоторое время был ректором Страсбургского университета и слыл ученым нового типа, не столь косным в мышлении, как большинство его коллег. Безупречное образование, умение музицировать, утонченный вкус и привлекательность стройной фигуры являли далеко не полный перечень добродетелей Елены. Пожалуй, определяющим для Швейцера оказалось ее стремление стать самостоятельной в жизни, быть кем-то, то есть раскрыться как парадоксально развивающаяся личность. В то время, когда они встретились, Елена намеревалась стать учительницей. Но в ее цели присутствовала любопытная и притягательная для Швейцера изюминка: она жаждала стать носителем идей культуры и высокой духовности. Этот настрой на самореализацию в девушке приковал интерес пастора. Ведь то, что в конце XX – начале XXI века стало нормой для женщины, в первые годы XX века являлось совершенно неординарным, даже экстравагантным. Основные жизненные принципы Елена, как и он сам, вынесла из семьи и религии; поведенческой нормой для нее была «правильность» и «полезность» в социальном пространстве. Почтение к родительскому дому предопределяло благоговение и нежность по отношению к тому дому, который она собиралась создавать со своим будущим избранником. Черты человека, на которого она могла обратить внимание, должны были многим напоминать отцовские. Зрелость суждений, серьезность деятельности, уверенность и определенная консервативность в отношениях полов – вот основные характеристики, в равной мере присущие и ее отцу, и будущему мужу. Но вместе с тем ее характер формировался под впечатлением новаторских настроений студенчества и, не в последнюю очередь, книжной мудрости. Потому Елена с естественной легкостью принимала участие в интеллектуальных диспутах и настойчиво искала самостоятельного применения своим силам. Суть просветительства и миссионерства была ей чрезвычайно близка, она искренне мечтала внести свою лепту в изменение мира. Обостренное чувство прекрасного толкало ее к деятельности с четко прописанной целью, и в этом, пожалуй, состояло наиболее заметное отличие Елены от большинства девушек ее круга. К моменту судьбоносной встречи с Альбертом Швейцером ее дух был независим, невозмутим и свободен, но ее женское естество стремилось обрести того, чья воля оказалась бы способной и указать путь к быстрому течению, и, оставаясь сильным гребцом, ловко управляться на каменистых стремнинах жизни.

Зрелая доктрина любви

Не может не бросаться в глаза, что с момента знакомства до официального оформления брака Альберта Швейцера и Елены Бреслау прошли долгие девять лет. Уникально и то, что решение создать семью основательно увязывалось с намерением отправиться с особой миссией в Тропическую Африку. Дух миссии вошел в их отношения сразу, оставаясь незримым связующим спутником в течение всей жизни.

У них было поразительно много общего. Он сел за орган, когда еще не доставал до педалей; она с восторгом музицировала на клавишных инструментах, училась в Страсбургской консерватории. Природа с детства приковывала его внимание, он любил ходить в школу один, чтобы приятели не мешали любоваться красотами природы, мощью величественных дубов и ломким рельефом горных вершин, казавшихся сказочными великанами. Поступки людей часто казались ему диссонирующими с деятельностью Природы. Елена также выросла там, где природа не стесняется выразиться дивными формами, и это оставило отпечаток в ее восприятии мира. Его привлекали размышления над глобальными вопросами бытия, часто он был поглощен этим анализом настолько глубоко, что окружающее переставало

для него существовать. Биографы семьи Швейцеров говорят, что дочь профессора Бреслау была чрезвычайно близка к отцу; он брал ее с собой в Италию, где девушка настойчиво изучала живопись. Позже склонная к самостоятельности девушка некоторое время работала в Англии гувернанткой, а также до встречи с будущим мужем успела потрудиться в сиротском приюте, активно участвовала в сборе денег для сирот – весьма важный факт, отражающий ее попытки быть социально значимой. Она выросла разносторонне развитой и самобытной в оценках происходящего; повзрослев, неизменно входила в сообщество прогрессивных молодых людей, искренне озабоченных будущим современного человека. Порой она казалась в своей деятельности такой же одержимой, как и сам Швейцер. Оба – и Альберт, и Елена – были крайне неприспособлены к быту, глубоко духовны и имели железные, непоколебимые убеждения. И оба, кажется, имели сходный темперамент и были склонны больше полагаться на душевные эмоции, нежели на влечение и страсти.

Они познакомились после его проповеди в церкви, которую она посещала как прихожанка. И хотя разговор завязался как будто деловой, нет сомнения, что первоисточником внимания стала обоюдная физическая привлекательность. За ней каждый пытался обнаружить искомую и необходимую для продолжения отношений глубину.

И для обоих увиденное друг в друге оказалось потрясающе приятным сюрпризом. Чтобы продолжить отношения, она вызвалась помочь отредактировать его рукопись; он с радостью согласился. Обоим импонировали взаимная чуткость и убежденность в необходимости жить активно, они быстро выяснили, что являются друг для друга интересными и достойными собеседниками. Последнее, наверное, в большей степени, чем все остальное, позволило растянуть на столь долгий срок путь от знакомства до свадьбы. С самого начала в их отношениях присутствовала уверенность, что многие формальные вещи, и в том числе такие, как оформление брака, ничего не значат по сравнению с глубиной восприятия друг друга. С первых минут знакомства они очень тонко чувствовали друг друга, и это единое, похожее на магнитное, поле делало их уверенными друг в друге.

При этом достаточно любопытным выглядит доктрина личностной закрытости Швейцера, которая, несомненно, была перенесена и на семью. «Знать друг друга не значит знать друг о друге все; это значит – относиться друг к другу с симпатией и доверием, верить друг другу. Человек не должен вторгаться в чужую личность», – считал Швейцер. Эту пикантную убежденность, довольно неординарную личностную особенность, он вынес из детства, когда с удивлением обнаружил, что многие его внутренние побуждения резко контрастируют с устремлениями сверстников. Его столкновения с разрушительными влечениями в окружающих, уверенное непринятие раздражителей деструктивного и наряду с этим опасения быть непонятым, неверно истолкованным в микросоциуме – все это было перенесено во взрослую жизнь и закрепилось там. Но и Елене закрытость была близка; ее трогательная скромность и отказ от публичности дополняли образ доктора Швейцера каким-то смиренно-истовым, чисто женским служением его благу и, значит, благу их общего дела. Роль Елены окутана каким-то ореолом особой чувствительности и непритязательности; образ жены порой кажется дистиллированным, очищенным от бытовых ощущений и претензий. Но в действительности в сознательном выборе роли усердной помощницы мужа и проявляется платиновый блеск ее натуры, неоценимая готовность быть рядом, если только для этого есть силы. И хотя сам Швейцер в биографии достаточно редко говорит о жене, чаще упоминает о ней в тех случаях, когда повествует об ухудшении ее здоровья и в этой связи невозможности продолжать миссию вместе с ним. Семью он всегда рассматривал, как и собственную жизнь, исключительно сквозь призму миссии.

Были ли у них интимные отношения до брака? Ведь столь продолжительный период общения в виде крепкой дружбы хотя и соответствовал духу времени и общему стилю их отношений, все-таки кажется несколько противоестественным. Почти три года они были

помолвлены, после пяти лет знакомства. Альберт Швейцер вступил в брак, когда ему было уже тридцать семь лет. Позволила ли их общая консервативность перейти к более близкой форме отношений между мужчиной и женщиной до брака? Если да, то это означает только одно: кредит доверия каждого оставался безграничным, они никогда не сомневались друг в друге. И пусть они повесили амбарный замок на двери в свой интимный мир, едва уловимые оговорки говорят и о романтике в душах влюбленных, и о чувственности в отношениях.

Когда однажды, через сорок лет после официального оформления отношений, они находились в Америке, он вдруг вспомнил их упоительный вальс в то время, когда они только начинали узнавать друг друга. Недаром Борис Носик в биографии весьма уместно проводит аналогию между Швейцером и Бахом, о котором тот писал книгу: когда-то композитор был уличен в том, что музицировал в церкви с «посторонней девицей». Биограф уверен, что Елена, как и невеста Баха, ходила на органные репетиции Швейцера. И все же кажется, что их общая сексуальность либо претерпевала сознательное подавление, либо находилась в каком-то преобразованном состоянии, их интимный мир представляется тщательно высушенным фруктом. Или, во всяком случае, телесная форма отношений отходила на второй план, позади идеи совершенствования человека, которой оба были навек преданы как форме самовыражения личности. Так или иначе, сексуальные отношения не были ни преградой, ни проблемой; все, что необходимо было выяснить, о чем нужно было договориться, произошло до свадьбы. Потому что если даже у них не было интимной близости, то само по себе это также есть утверждение определенного принципа, скрепленного годами, как самой ценной печатью. Ее ожидание до свадьбы, как и его стайерская подготовка к браку, по сути, являются рефлексией серьезного отношения к самой жизни, которую они принимали друг в друге, а возможно, и тщательной проверкой готовности к двойной миссии, которая обещала стать не менее сложной, чем у первооткрывателя необитаемой земли. Периоды расставаний, преимущественно связанные со слабым здоровьем Елены, проходили у них гладко – Альберт Швейцер был слишком увлечен идеей, он имел слишком жесткие суждения о нравственности, чтобы думать о чем-нибудь еще.

Знаковым выглядит и создание этой семьей уникальной защитной оболочки от надвигающейся волны всеобщего хаоса. Кажется, они совершенно ясно ощущали, что им выпало жить в геноцидный век, в трагическое, по выражению Альберта Эйнштейна, столетие, спасение от которого могло осуществиться только сознательным отмежеванием от цивилизации. Кстати, сам Эйнштейн пребывал в уверенности, что выбор практической миссии в географически удаленном от цивилизации тропическом Габоне является ответом одиночки на расширение пространства хаоса, «нравственно окаменевших и бездушных традиций цивилизации». Наверное, нет смысла гадать, почему известный в Европе ученый-философ, отменный знаток музыки и органов, концертные выступления которого неизменно собирали полные залы, признанный писатель и автор разошедшихся книг о Бахе, вдруг круто изменил свою жизнь. Его форма самовыражения предусматривала активную деятельность, которая призвана была подтвердить рассуждения. Только комплексная, многосторонняя задача, почти невыполнимая для кого-нибудь другого, могла сделать из него отважного человека мира, он был в этом убежден. Он всегда рассматривал свою личность шире принятых рамок и именно потому казался непонятым, совершенно удивительным, даже чудаковатым для общества современников. В этом контексте небезынтересен семейный срез: Елена не только с воодушевлением приняла миссию, но и горела ею не меньше мужа. Однажды Швейцер пригласил в гости жену священника, вместе с которым она трудилась в африканском Ламбарене – месте, избранном будущим доктором для своей священной миссии. Целью этого визита, как оказалось, было детально узнать обо всех трудностях, подстерегающих незадачливого европейца в джунглях Африки. Именно после обстоятельного откровенного рассказа Альберт и Елена объявили гостю о своей помолвке и решении ехать в этот забытый Богом уго-

лок земного шара. Тут проявляется яркая индивидуальность семьи: они должны были визуально проиграть в себе все те ужасающие картины бедствий в стране, которую они выбрали в качестве второй родины. Будущие муж и жена полагали, что если они задолго до переезда в Габон будут знать *все* и осознанно повторяют слово «да», миссия будет иметь больше шансов на успех. Есть еще один штрих к их общему портрету, свидетельствующий о ранней и весьма глубокой проработке вопроса, давно принятом решении. Если он давно учился искусству врачевания, то и она, ранее мечтавшая стать учительницей, готовилась теперь стать медсестрой. Решение вынашивалось вместе, оно было не раз детально обсуждено, как и все в этом мире. Они приняли сердцем далекую точку в неведомой Африке гораздо серьезнее, чем считали близкие и не посвященное в детали окружение.

Слабое здоровье и тяжелые последствия неудачного падения во время катания на лыжах неумолимо гнали Елену назад, в континентальную Европу. Порой, находясь в Ламбарене, Швейцера ради передышки своей подруги позволял себе отвлечься от работы и выехать на побережье. И все же в какой-то момент стало ясно, что жена не может находиться с ним постоянно. Это был серьезный вызов миссии, и оба понимали, что для Швейцера, который в тридцатилетнем возрасте сел за студенческую скамью для того, чтобы освоить совершенно новую трудную профессию, и добрый десяток лет готовился бросить публичный вызов цивилизации, важнее всего осуществить задуманное. И они пошли на небывалый компромисс: жить вместе ровно столько, сколько позволяют физические силы Елены, использовать любую возможность для того, чтобы после вынужденной разлуки снова оказаться вдвоем. И надо отдать должное их решению, потому что в биографии Швейцера едва ли можно отыскать вояж, совершенный без любимой. Они прошли рука об руку длинный путь: и удручающую драму военного плена с его лагерем для интернированных, и восхитительные мгновения повсеместного признания, хотя искры славы никогда не ослепляли ни его, ни ее. Просто они очень хорошо уяснили, для чего они живут и куда лежит их общий путь на земле. Пожалуй, ничто так не характеризует глубину отношений, как бытовые мелочи. Биографы приводят такую, казалось бы несущественную, деталь из жизни необычной семьи: тазики в Ламбарене были помечены инициалами обоих супругов. С самого начала миссии в Африке и до последних дней своей долгой плодотворной жизни этот архитектор нового жизненного стиля считал Ламбарене двойной миссией, Елена была неотъемлемой частью его памятника гуманизму.

Ей досталась нелегкая судьба. Действительно, надо быть необычной женщиной, чтобы прожить жизнь с человеком, который за всю жизнь посмотрел, «вероятно, шесть» кинофильмов, предпочел комфортному обитанию в Европе девственные, наполненные опасностями и болезнями влажные джунгли Центральной Африки, сменил роль успешного ученого на тяжкий труд врача. Но нельзя не заметить и другого: Елена выступала исключительно в роли помощницы и никогда не намеревалась осуществлять параллельную миссию. С самого начала она выбрала функцию поддержки, женскую подчиненную роль, которая была ей близка, несмотря на самостоятельность и попытки личной самореализации до замужества. С первых дней знакомства она помогала Швейцеру разбираться с рукописями, улучшала его стиль и осуществляла корректуру книг. Потом, в Ламбарене, насколько позволяли силы, она выступала в роли медсестры, ассистента, но не намеревалась быть таким же врачом, как и ее муж. Если неутомимый доктор строил новые палаты, его жена взваливала на себя бесчисленные хозяйственные хлопоты и подготовку медицинских инструментов. Для нее гораздо важнее было способствовать раскрытию талантов мужа, стимулировать его утверждение, нежели двигаться путем собственной реализации. Если в семейном здании, возведенном на фундаменте однородного понимания механизма существования и развития успешного брака, Альберт Швейцера выполнял функцию крепких стен, поддерживающих строение, то Елена создала просторные окна и надежную крышу; они дополняли друг друга в том самом

простом, утвержденном веками библейском варианте, который предлагает самая почитаемая в мире книга. И эти роли были добровольными, они были сформированы в мировоззрении Альберта и Елены задолго до брака; их приятие именно такой формы распределения полоролевых и социальных функций, кстати отвечающей традиции времени, определялось внутренними побуждениями и не несло никаких противоречий или психологических осложнений. Само собой разумеющимся результатом явилось и рождение дочери, посильная забота о внуках – все в их жизни несло печать природной естественности, любви и благочестия.

«Вероятно, она не стояла на первом месте в его жизни. Первой была больница. Потом были еще теология, музыка, философия», – говорит Борис Носик о восприятии Альбертом Швейцера жены. Вполне возможно, что именно так все и было. Но ее энергетика и шарм ненавязчиво присутствовали во всех его проектах, что говорит о любви и привязанности не меньше, чем непрерывные объятия и поцелуи. В этом контексте безусловную смысловую нагрузку несет момент замены дочерью умершей матери: Рена была с отцом в его последние дни, словно перенимая из рук старца то великое дело, которое отец и мать начали полстолетия тому. Союз Альберта и Елены не был привычной формой заурядного брака, поэтому подходить к нему с традиционными категориями вряд ли логично. Зато в общем образе семьи явственно проступает, что обширному разуму Швейцера, охватывающему проблемы мирового уровня, никогда не были чужды те милые интимные детали, которые дают близким людям ощущение равновесия и умиротворенности. При всей широте диапазона взглядов целеустремленного и непреклонного в отношении жизни-миссии Швейцера его брак с Еленой Бреслау можно, не кривя душой, назвать гармоничным объединением мужчины и женщины. И вовсе не случайно прах Елены был перевезен в Ламбарене, а сам Швейцер распорядился похоронить себя рядом с женой, «просто и немедленно», как и все, что он делал в своей жизни.

«Тринадцатый апостол Христа»

В словах праведника из Ламбарене, вынесенных в эпитафию, отражена вся его сколь могучая, столь и редкая идеология союза мужчины и женщины. Очень немногие пары могут говорить о двойной миссии – высшем счастье,

выпавшем на долю объединившихся мужчины и женщины. Совместное служение некоему великому делу и не только одинаковое понимание самих благ, гармонии и любви, но и активная осознанная деятельность по совершенствованию человека, несомненно, удел очень немногих, возможно избранных. Альберту Швейцеру посчастливилось вдвойне: он жаждал миссии сам и встретил на жизненном пути такую же очарованную душу.

Миссия в Ламбарене за несколько десятилетий расширилась в восприятии человечества настолько, что когда после Второй мировой войны Альберт Швейцер прибыл вместе с Еленой в Соединенные Штаты, он был назван американскими репортерами «тринадцатым апостолом». Еще через несколько лет великого гуманиста XX века нашла Нобелевская премия мира; сам он уже приближался к восьмому десятку и, как изысканно выразился тогда, к «финалу своей жизненной симфонии». Елена снова была с ним; ее выносливость в изнурительной борьбе с собственным разрушающимся здоровьем тоже может считаться частью миссии. Состарившаяся женщина превратилась в усохшее дерево: уже без листьев, но еще не упавшее на землю. Тогда, в Осло, где ее знаменитый муж прочел доклад, Елена, скромная, смиренная и вместе с тем величественная женщина, произнесла ключевые слова, касающиеся ее понимания роли женщины. Вынесенные в эпитафию повествования об этой паре, они очень тонко отражают ее женское естество – делать все, чтобы ее мужчина, ее избранник достиг победы, неминуемо дошел до цели. Именно эту традиционную роль, лишённую отступничества и амбициозного желания выполнять схожую с мужской функцию, лучшие

мужчины мира с восторгом воспевали во все времена. Жизнь Елены со Швейцером представляет собой миссию внутри миссии. Оценивая ее, Б. Носик вполне справедливо указывает: «Может быть, ее самоотречение было еще большим, чем его: она была женщина, и она отрелась от себя не только во имя дела, но и во имя мужчины, так, во всяком случае, она представляла себе идеал немецкой женщины». Миссию преданной жены всегда сложнее оценить, чем наполненный достижениями путь целеустремленного мужа. С образом Елены почему-то ассоциируются слова Ивана Ефремова из его «женского» романа «Тайс Афинская», наиболее точно и ясно выражающие идею женской миссии в союзе с мужчиной. Речь идет о том месте в книге, где успешная, постигшая тайны любви-страсти гетера Тайс с изумлением узнает от Праксителя, что у этрусков не было гетер. «Действительно, у них нет гетер! Там все жены – гетеры, вернее, они таковы, как было у нас в древние времена. Гетеры были не нужны, ибо *жены являлись истинными подругами мужей*». Каждая женщина сама выбирает свою судьбу, в каждой присутствует свое понимание счастья, но в этой короткой фразе об отношениях в первых счастливых семьях отражена природная философия взаимосвязи мужского и женского, взаимоперетекающее Инь и Ян. Елена Бреслау мыслила именно такими категориями; она являлась истинной подругой Альберта Швейцера. И, как кажется, она была счастлива...

Насколько мог любить свою семью загадочный для окружающего мира человек, к которому, как к сказочному доктору Айболиту, стекались не только больные люди, но и антилопы, обезьяны, пеликаны? Он демонстрировал по отношению ко всему живому спокойное уважение, источал умиротворение и любовь. И естественно, что это чувство распространялось на жену, дочь, а несколько позже – и на четырех внуков. Но вместе с тем дело для него, как для мужчины, стремящегося к активной самореализации, всегда было на первом месте. Мудрость Елены порой в том и проявлялась, что она отчетливо понимала макроуровень своего мужа, двигавшегося космическим маршрутом кометы с широким, незабываемым для потомков следом. Поэтому иногда сознательно выбирала удаленность от Швейцера, чтобы не мешать ему, не отвлекать постоянными проблемами со здоровьем, по злой шутке Всевышнего обострившихся именно в душных тропиках Ламбарене. Она приняла его целиком таким, каким он был – и великим, и слишком одержимым, чтобы постоянно оглядываться. Он же старался относиться к жене с неослабевающим чувством признательности, отдавая должное тем жертвам, на которые Елена пошла ради него и их общего дела. Ибо в пространстве его ценностей семье была отведена одна из определяющих, самых почетных ролей. Альберт Швейцер так соизмерял семью и дело: «Делайте все, что в ваших силах. Недостаточно просто существовать. Недостаточно сказать: “Я зарабатываю, чтобы поддерживать семью. Я хорошо выполняю свою работу. Я хороший отец. Я хороший муж. Я добрый прихожанин”. Все это хорошо, но вы должны делать еще нечто... Каждый человек должен собственным путем искать возможность стать еще благороднее и реализовывать свое истинное человеческое достоинство». Разумеется, Швейцер намекал на могущественную идею, подобную его собственной, способную приковать внимание миллионов. Но в данном случае главное не это. Бросается в глаза, что семья не исчезает из общей стратегии, хотя неизменно стоит *за делом, как бы в тени идеи*.

Имело ли место в жизни Альберта Швейцера подавление чуждых семье импульсов? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, стоит вернуться к тем вехам на пути знаменитого миссионера, которые определяли всю его жизненную стратегию и основные черты личности. Он ко всему долго примерялся, словно охотник, не решающийся выбрать дичь для преследования. Его главное решение – выполнить миссию служения Живому – вызревало доброе десятилетие, почти десяток лет отделили и знакомство от женитьбы, при этом дочь Швейцеров родилась, когда они по всем меркам переступили порог почтенного возраста – через семь лет после свадьбы. Кажется, этот человек все слишком тщательно взвешивал, рас-

считывал каждый шаг. Можно вспомнить, с каким остервенением он накинулся на расчеты перед первым путешествием в Африку: он все без исключения пропустил через свое тонкое, освященное небывалой верой сознание, как через фантастический фильтр. Он сформировал мир своих истинных ценностей как бы на краю, в удаленности от остального человеческого муравейника, трепетно следя за тем, чтобы всегда держать эту дистанцию. Может показаться удивительным, но именно с удаленной площадки очарование его принципов становилось наиболее ярким, приобретало наиболее притягательную харизму. Любое нелепое внедрение в созданную им необычную систему жизни могло бы не только нарушить нерасторжимую связь Швейцера с глобальной идеей духовного возрождения, но и осквернить ее. Обладая тонким чутьем, Швейцер хорошо понимал суть своей человеческой миссии. Непрерывная позитивная деятельность имела для него такое великое значение, обладала такой могущественной сдерживающей силой, что могла вытеснить из сознания любые другие желания. Поэтому представляется очень маловероятным, чтобы Альберт Швейцер мог отвлечься на что-либо, не имеющее прямого отношения к реализации этой идеи.

Могли ли существовать подобные деструктивные раздражители в африканском Ламбарене? Вполне, ведь среди помощниц доктора были молодые ассистентки. Но если нам ничего не известно об интимной сфере Швейцера до женитьбы, то, скорее всего, и после нее не могло быть чего-то такого, что воспринималось бы вразрез с его личностью, удивительно цельной и притягательной. Система ценностей Альберта Швейцера стояла несколько выше мирских соблазнов, она была и духовна, и рациональна одновременно. Лишь только проникнув глубоко во внутренний мир этого мыслителя новой эпохи, можно понять, как европеец, искренне поддерживавший полигамию в Африке как рациональный подход к выживанию, но не как тропу к бесчисленным наслаждениям, мог в течение своего жизненного пути оставаться чистым и непогрешимым как ангел. Кажется, стремление воплотить идею о незапятнанном духе имело не только воспитательное, но и самовоспитательное значение. Впрочем, очевидно, что Швейцер жил без намека на внутренние противоречия, исполнял роль без волевых усилий, ведь он находился в полном согласии со своим внутренним «я».

Альберт и Елена были настолько удалены от материальных ценностей, что для обычного нормального человека казались странными чудаками. Но по сути, они лишь старались уйти из этого мира такими же обнаженными, как и пришли в него. Они пользовались чарующими красотами планеты, словно взяв всю землю в аренду, как берут поле, чтобы возделывать его. И они платили за чудеса Природы честно, стараясь не остаться в долгу. Большинство гонораров за выступления тратились на ту же святую цель – развить инфраструктуру больницы в африканском Ламбарене. Никакие материальные приобретения, никакие ценности, кроме духовных, не признавались Швейцером, и Елена никогда не сомневалась, что так и должно быть. Он, как мужчина, был более рискованным и отчаянным, она, как женщина, – более предусмотрительной и заботливой. Однажды, через год после венчания, когда они впервые ехали в Африку, Альберт, чтобы подстраховаться, зашил в подкладку пальто золото. Елена уговаривала его не делать этого – из-за того, что могут возникнуть новые риски; уступив мужскому напору, женщина потом старательно оберегала своего избранника и переживала всякий раз даже больше, чем сам хранитель золотых запасов. Но ничто, кроме идей, не имело для них ценности; к быту или, вернее, к его отсутствию они относились как к данности. Альберт Швейцер ездил исключительно третьим классом, отвергал веяния моды и стремление к удобствам вовсе не для придания своему образу особого блеска – это было его сутью, частью его натуры, сосредоточенной только на главном.

Неукоснительное стремление Швейцера к формированию и исполнению жизненной миссии предопределило его особое, бережное отношение ко всему земному. Причем очевидно, что семья, в миропонимании Швейцера, всегда являлась и до конца дней оставалась незыблемой частью миссии. Не стоит думать, что он был монахом-альтруистом с помутив-

шимся разумом; Альберт Швейцер был крайне социальным и остро чувствовал как восприятие своей фигуры в мировом пространстве, так и внутренние переживания смысла жизни. Его общественно-политическая деятельность, как и Ламбарене, и написанные тома, как и созданная семья – все становилось формой влияния на современный мир. Он видел свою задачу в том, чтобы воздействовать на мир, и в силу небывалой для одного человека активности осуществлял воздействие с таким несокрушимым напором, с таким диапазоном идей, что не заметить этой деятельности, не поддаться его обаянию было невозможно. Семья Швейцеров была частью всей системы отношений с миром, дополнительной плоскостью самовыражения и утверждения апостольских истин, которые они несли в мир. Именно поэтому их семья оказалась такой заметной для всех тех, кто прикасался к жизни и наследию этого уникального мыслителя XX века.

Любопытным является и выработка Швейцером способа воплощения миссии в жизнь. Не отказываясь от роли прорицателя, он сознательно сделал основным доказательством цепь простых и понятных любому человеку поступков, которые в сумме превысили любую до того существовавшую форму пророчеств. Альберт Швейцер был не первым и не последним миссионером, но именно его идеи, как радиоволны, молниеносно распространялись по земле, забираясь в самые забытые уголки. Это вполне объяснимо: он выступил не только как ученый-практик, но и как замечательный популяризатор собственных проповедей. Началось все с великой загадки, непостижимой тайны, когда весьма известный молодой ученый неожиданно бросил свои изыскания, чтобы посвятить жизнь простому служению добру и милосердию. Но с началом нового пути не закончился прежний: Альберт Швейцер писал философские исследования, издал отдельную книгу об Африке и своей миссии, покори ленивое человечество непрерывной деятельностью ученого и врача. Но не столько это, сколько несгибаемая вера сделала из него гиганта. «Раньше или позже идея, выдвигаемая мною, завоюет мир, ибо она с неумолимой логикой вызывает к интеллекту и к сердцу». Его отрешенный и в чем-то даже отстраненный труд, неугасающая общественно-политическая деятельность не изменили мир и не снизили уровень насилия. Но ему удалось начать процесс расшатывания деструктивных идей, которые прочно засели в головах властителей планеты. И кажется, если мир обретет критическую массу швейцеров, у него появится шанс иметь постоянно срабатывающий предохранитель от вырождения, обновляться подобно самой Природе и найти ясный путь к возрождению. Сам Швейцер в это верил свято и фанатично. А его семейная жизнь, как и все остальные поступки, последовательные и принципиальные, стала ярчайшим подтверждением следования единой цели – служению спасению человека от зла. Символично, что его жена приняла сердцем миссию мужа, сделав уверенный шаг к двойной миссии. Действия Елены с возрастом все больше напоминали попытки не умеющего плавать переплыть быструю реку. Но всякий новый раз, зная, что она не доплывет, Елена уверенно ступала на берег с намерением пройти ту часть пути, которую осилит ее здоровье. И муж хорошо понимал цену тому, что она находится рядом с ним. Свой фундаментальный труд, основную философскую работу жизни – «Культура и этика» – он посвятил Елене: «Моей жене, самому верному моему товарищу». Даже в коротком посвящении сквозит акцентуация духовного единства; но, скорее всего, всякая иная форма объединения для Альберта Швейцера являлась вторичной, возможно даже чуждой. Кажется не случайным основной постулат его проникающей этики: единственно возможный для человека способ придать смысл своей жизни – это поднять свое естественное, почти животное отношение к миру до отношения духовного.

Они прошли свой духовный путь вместе и были преисполнены счастья в возможности жить особой жизнью, удаленной от всех, но направленной на служение людям. И не сами ли они создали этот восхитительный храм беспробудного счастья, в котором даже смерть не казалась чем-то ужасающим и холодным?! Возможно, благодаря объединению для выпол-

нения миссии им удалось познать и красоту жизни, и умиротворение ухода в царство вечного покоя...

Поразительно и то, что слава абсолютно не изменила ни Швейцера, ни его жену: и полвека спустя после появления книг и статей о нем доктор трудился так же самозабвенно и самоотреченно. Он был одним из самых сосредоточенных и последовательных людей в этом мире. Может быть, поэтому его век оказался столь долгим и плодотворным.

Михаил и Раиса Горбачевы

Но все-таки всегда сохранялось, что она мне предана, а я – ей. И лучше всего нам всегда было вдвоем. Даже без детей.

Я потерял самое главное – смысл жизни.
Михаил Горбачев. Из интервью после смерти жены

Решение ты должен принять сам, а я буду с тобой, что бы ни случилось.

Раиса Горбачева после заявления ГКЧП и блокирования президента СССР с семьей на даче в Форосе

Лежащая на поверхности деятельность политических лидеров часто камуфлирует их личную жизнь, являя массовой аудитории лишь ее внешнюю, бутафорскую сторону, часто лишенную не только чуткости и глубокой привязанности, но и глубокой смысловой наполненности. Независимо от реальных отношений главы государства с женой, они, как часть биографии лица публичного (это укрепилось в качестве нормы развитой цивилизации), принадлежат нации и поэтому тщательно охраняются, выверяются, корректируются. Для такой могущественной империи, какой являлся СССР, не только семья Генерального секретаря, но жены и дети гораздо меньших политических величин были под неусыпным надзором вечно бодрствующих пронизательных глаз специально сформированных для этой функции сдерживающе-карательных органов. Михаил и Раиса Горбачевы без сожаления разрушили эту традицию, образовав некий совершенно новый эпицентр семейного культа целой эпохи, фактически приоткрыв завесу секретности, заботливо созданную для того, чтобы скрывать эту сферу жизни. Но они приковали внимание миллионов не только потому, что раскрылись первыми. В отличие от многих закоснелых личностей монументальной эпохи

Советов, чета Горбачевых поражает удивительно богатым внутрисемейным миром, зачаровывающей целостностью, трепетной, абсолютно непоказной любовью в течение отведенных судьбой без нескольких дней сорока шести лет.

Раиса Горбачева оказалась не просто достойной первой леди, но и едва ли не основной участницей побед, которые при пристальном рассмотрении вполне можно было бы назвать совместными. Она выигрышно оттеняла мужа, вместе с тем демонстрировала достаточно броскую индивидуальность и внутреннюю женскую силу. Анализируя и оценивая действия этой женщины, невольно можно прийти к объяснению невероятного, почти мистического движения вверх по карьерной лестнице Михаила Горбачева – за своей спиной он всегда ощущал вездесущую и негниблемую твердыню, всемогущую волшебницу, незримого и верного друга, ведшего его по жизни, возможно, даже в ущерб своей собственной. Воля к вечной и неустанной борьбе, переменчивое счастье лидерства, скоротечная слава преобразователя, падение в бездну – разве не так выглядит цепь попыток, пусть даже весьма удачных?! Но каждый шаг воспринимается по-особому, если его можно разделить с кем-то близким. Этим двум бесконечно повезло: они испытали вместе все, что может выпасть на долю пытливого гостя этого изменчивого мира.

Едва ли чьи-нибудь отношения могут претендовать на то, чтобы быть эталоном; слишком разные характеры, слишком неоднозначные условия формирования личностей, слишком непохожие представления о счастье... Но вытолкнутые своей же судьбоносной стратегией на большую сцену жизни на всеобщее обозрение, Горбачевы сыграли ярко, блестяще завершив сюжет. Ничего лишнего, ничего надуманного, ничего вычурно – декоративного... Похоже, именно так может выглядеть любовь с ярко выраженным человеческим лицом. Если

внимательно приглядеться к этой паре, может возникнуть устойчивое, как запах цветущей черемухи, ощущение: власть для них на самом деле не была главной целью; целью был процесс. И он составлял если не львиную, то значительную долю их общего счастья.

«Половинки»: найти и сложить

В большинстве случаев семейная жизнь двоих начинается с осознания моделей отношений родителей (даже при их отрицании и создании анти-моделей) и доминирующих в обществе семейных традиций. Но порой на стремление жить в паре у людей, кроме того, может еще сильнее влиять обоюдная жажда достижений – Полярная звезда самых неутомимых путников на каменистой тропе жизни. И довольно часто в таких случаях ее путеводное мерцание не исчезает в течение всего совместного пути, создавая для семьи шанс миссии, посвященной Движению к цели. Главный секрет таких пар заключается даже не в единстве взглядов на вещи, не в неукоснительном следовании правилам ради цели, а в синхронном проявлении ненасытного желания к большему, роковом влечении к исполинскому. Можно спорить, есть ли необходимость положить жизнь на алтарь успеха, вечно исчезающего, как мираж в пустыне, и иллюзорного, как виртуозно показанный фокус. Но нельзя не согласиться с тем, что именно так создается смысл существования. Жизнь окрашивается во множество оттенков, когда ее восприятие разделено на двоих. Это закаляет отношения, позволяет не обращать внимания на скоротечность человеческой борьбы и усиливает экспрессию самой жизни, вкус эмоций, мироощущения. Для каждого человека мироздание открывает свою многоликую тайну. Михаил Горбачев и Раиса Титаренко сумели отыскать ее в таком непростом движении к власти.

Михаил Горбачев, крестьянский сын из бедной ставропольской деревни, никогда не скрывал, что родовые традиции довлели над ним точно так же, как багряные, обильно пропитанные кровью, символы над всей странной, громадной общностью подавленных людей, с саркастической гордостью называемой советским народом. С ранних лет он двигался в затемненном идеологическом тоннеле вместе с самим обществом, стиснутым тисками господствующей извращенной морали, законам которой все неукоснительно следовали под страхом смерти. Мальчик, для которого все пророчество мира ассоциировалось с единственной в доме газетой «Правда», а все наслаждения концентрировались на порции неожиданно завезенного вместе с кино мороженого, сформировал представление о мире как о весьма жесткой конструкции со своеобразной ролью человека в ней. Понятие «выжить» ассоциировалось с понятием «покориться», а крестьянские корни и суровое время взросления – с непоколебимым и жестоким грузинским идиологом, с укрепленным в сознании жутким крестом всеобъемлющей войны. Со страхом язычника, преклоняя колени пред туманным обелиском коммунистических грез, он настойчиво искал выход из глухого пространства, похожего на гигантское бомбоубежище, в котором с удивлением обнаружил себя по мере взросления. Ослепляющие картины эпохи создания колхозов, абсурдный калейдоскоп ссылок неугодных, военные похоронки, дикость оккупации, очумелость гонки за результатами комбайнеров и пьяные песни «ударников» – в этих декорациях присутствовала затаенная агония, протест против жизни, фатальная некрофилия, заглушить которые могли лишь две вещи: спиртное да слепая вера в построение коммунизма. Подросток, который не понаслышке знал, как человек сходит с ума от раздирающего на части голода, а мальчиком спал зимой вместе с телятником, чтобы не замерзнуть, отлично осознавал перспективы безальтернативного труда в колхозе («бежать – не убежишь, не давали крестьянам паспорта»). Ему было за что бороться: шанс вырваться из первобытной дикости своего забитого села не просто маячил, а светил слепящим, как солнце, светом. Получить входной билет в другую жизнь можно было только благодаря вузовскому диплому, какой-нибудь знаковой «интеллигентной» про-

фессии. Вот откуда проистекает, казалось бы, причудливый симбиоз: отменное знание крестьянского дела («на слух мог сразу определить неладное в работе комбайна») и слабо увядающие с комбайном Белинский и постановка «Маскарада» Лермонтова в примитивном драмкружке. Стараясь выделиться любым способом, юный Михаил не брезговал обывательскими козырями («на ходу мог взобраться на комбайн с любой стороны, даже там, где скрежетали режущие аппараты и вращалось мотовило»). Но мотивацию всех этих форм самовыражения в среде следует искать не столько в безнадежной инфантильности, сколько в яростном упорстве. Горбачев с детства был настроен на то, чтобы вырваться, любым способом выскользнуть из заколдованного круга, созданного в советской деревне времен колхозного «расцвета». Его лидерство являлось не более чем защитным иммунитетом от погребения заживо в скудном паралистическом пространстве животной борьбы за существование. Отчаяние и скорбь за близких сквозят в его воспоминаниях детства, где он, будучи уже экс-президентом СССР, не удержался от цитирования книги своей жены, упомянув, что «там [в родной деревне] идет разговор о двадцати рублях: где их взять, при том, что отец работает круглый год». Сам того не подозревая, Горбачев настроил свой мозг на стойкое выживание в условиях нового ледникового периода. И в этой установке самым подкупающим было то, что наряду с лидерством и самовывдвижением важная роль отводилась семье – опорному пункту в борьбе за новую реальность.

Мать, мужественная до отчаяния и смелая до безрассудства, дала сыну в руки две жизненные нити – животную цепкость и святую веру в себя. Она показала Михаилу пример выживания, вселила в него мысль, что коль он пережил в детстве столь чудовищный хаос, значит, все это не зря, впереди у него великая миссия. Она же убедила сына в том, что учеба – это путь к иной жизни. Отец привил способность к тяжелому труду и оптимистичное отношение к самой жизни; через отца пришло понимание ответственности, уважение к традициям. Несмотря на одиозное время, а может быть, как раз из-за витающей в воздухе опасности объединение мужчины и женщины в семейном союзе являлось чем-то сугубо правильным в жизненном укладе серьезного человека, само собой разумеющимся, неотъемлемой составляющей приторного, с привкусом мертвечины, проживания жизни. Семейная атмосфера душевного покоя наполняла смыслом тупое истязание работой быстро угасающего тела, открывала единственную для истощенного крестьянина возможность наслаждения: видом потомства, призванного убедить, что короткая вспышка жизни и ожесточенная схватка за незатейливое существование предприняты для сохранения на земле своего имени пусть даже на вопиюще короткий период времени. Семья оказывалась единственной зацепкой, и потому отношениями, пусть порой и несколько грубоватыми, дорожили как главной реликвией, как иконой. В книге о себе Горбачев демонстрирует глубокую осведомленность о жизни и становлении дедов – в этой памяти заключен генетический код его миропонимания; и тут же базовой, цементирующей становится мысль о первостепенном значении семейной ячейки в обществе того времени.

Даже не принимая на веру все исповеди самого Горбачева, стоит признать: он рос напористым и выносливым парнем, не боящимся тяжелой изнурительной работы. Хотя не без потерь: «первые годы частенько носом шла кровь – реакция организма подростка». Кульминационная точка взросления молодого Горбачева – последняя перед поступлением в институт жатва. Как и вся советская «жатва скорби» (словосочетание, с легкой руки исследователя Роберта Конквеста вошедшее в обиходное обозначение труда советского крестьянина), это был момент преломления личности, точка абсолюта, за которой ясное осознание косности, кривости, ущербности всего своего будущего. Но вся эта ломка происходила скрыто и настолько глубоко внутри, что даже отцу, самому близкому по духу человеку, была неизвестна или, по меньшей мере, непонятна. Снаружи все выглядело красиво: «Мы намолотили с отцом 8 тысяч 888 центнеров. Отец получил орден Ленина, я – орден Трудового Красного

Знамени». Была создана стартовая позиция, возможность без потери культового для деревенского сообщества чувства долга двинуться к новому рубежу, совершенно не похожему на доселе преодоленные.

Несмотря на подкупающие описания самим Горбачевым выбора пути после окончания школы, скорее всего, они сделаны для демонстрации отношения к родным местам. В действительности же и школьная серебряная медаль, и правительственная награда, и трудовой стаж, и настрой Горбачева-старшего на упорную учебу после окончания войны имели только одну направленность – красиво оставить мир погребенных заживо, без видимого бегства присоединить свой вагон к иному локомотиву. Это имеет самое прямое отношение к формированию семьи, потому что и выбор места учебы, и установка отставить до окончания учебы всякие амурные дела – все это звенья длинной цепи задач на подступах к весьма высокой, заранее сформированной цели. Действительно, в то время как одноклассники подавали заявления в институты Ставрополя, Краснодара и Ростова, Михаил Горбачев без лишней скромности нацелился на «самый главный университет» страны. Для достижения рассмотренных в туманной дымке далеких вершин семья изначально должна была быть безупречной, ей отводилось если не центральное, то очень весомое место.

Подобным образом шла к созданию семьи и будущая первая леди СССР Раиса Титаренко. Возможно, формировать установки ей было несколько легче, потому что образ женщины в советском обществе определялся двумя критериями: хорошая работница (активная участница стройки эпохи – коммунизма) и хорошая жена-мать. Социальная позиция человека в обществе считалась незыблемым приоритетом и самым важным достижением, но советский перекося, в принципе, легко объясним: истинные строители коммунизма не могут быть нравственно уродливы. И даже если мужчина и женщина вместе лопатами перемешивают бетон с почти одинаковой физической нагрузкой, у женщины остается еще одна обязательная функция – показать себя умелой женой и заботливой матерью. Запутав людей между абсурдными целями и догматическими средствами, держа петлю на шее каждого в полузатянутом положении, иллюзионистам с руками на рычагах власти не так-то уж и сложно было добиться «понимания» народа. Но применительно к Рае Титаренко все складывалось не так уж плохо: ее корни терялись где-то на подходах к высоким эшелонам власти; ей подсказали или она сама сумела разобраться в том, что для женщины в современном ей обществе целесообразнее будет заниматься чем-то абстрактно значимым, таким, что узнаваемо издали по яркой вывеске, но понимается далеко не каждым. Социальная значимость и приобщение к сложной сфере деятельности, где существует известный набор граней и оттенков при представлении своего «вклада в коммунистическое строительство» – вот основа выбора, на поверку оказавшимся идеальным для захудалого времени и гиблого места обитания. Но выбор сферы деятельности позволил совершить еще один важный шаг – оставаться всю жизнь женщиной, несмотря на то что советское общество являлось уникальным инкубатором по производству бесполой рабочей силы.

Мировоззрение Раисы формировалось в не менее сложных, чем у Михаила, внешних условиях. Ее отец, черниговский путеукладчик, встретил свою любовь в алтайском поселке. Ему тогда было двадцать два, а его юной возлюбленной всего шестнадцать: сирота, привыкшая к тяжелому физическому труду землепашца и ткачихи, она сумела освоить лишь начальное образование, что потом жило в ней навязчивым комплексом несоответствия времени и положению мужа. Тайное стремление к приобретению шарма «образованности», естественно без понимания сути применения знаний, она постаралась передать детям. Как часто бывает у необразованных людей, прошедших с детства суровую школу жизни, женщина как бы противопоставляла интеллектуальному лоску небывалую, даже болезненную гордость, передающуюся детям, особенно старшей Раисе, в виде неуклонного стремления к самодостаточности.

Потому, наверное, Рая имела с детства завышенные амбиции в получении знаний, что проявилось в окончании школы с золотой медалью и выборе в качестве ориентира философского факультета главного в стране высшего учебного заведения – МГУ (медаль открывала двери в любой университет).

У девочки с детства формировался мужской характер. С того времени, как ее отца вернули с фронта и поручили ему строительство железных дорог, преимущественно оборонного назначения и в кратчайшие сроки, она вкусила вместе с родителями все прелести незамысловатой жизни на колесах. Самый главный для каждой девочки период – с девяти до четырнадцати лет – протекал фактически на военном положении, с бесконечными переездами, жизнью в вагонах-теплушках и бараках, всегда временно. Смена бесчисленного числа школ и коллективов научили Раису быстро приспосабливаться, мгновенно оценивать обстановку и находить основные точки приложения усилий – чтобы максимально развернуто продемонстрировать свои лучшие качества и достижения в тех или иных школьных предметах. Такое положение вещей требовало взрывного напряжения сил, умения постоянно производить впечатление в меняющихся условиях, проявления не только качеств непревзойденного спринтера на жизненном стадионе, но и редкого таланта непринужденно сходитья с людьми, демонстрировать высокую степень общительности и ориентации на экспрессивное, колоритное поведение. Один из одноклассников Раисы вспоминал, что «она была самой красивой в школе и чересчур активной девочкой». Иначе и быть не могло: только так она могла рассчитывать на достижение успеха в кратчайшие сроки, в точности как ее отец при строительстве новых железнодорожных веток. К преодолению внешних сложностей добавлялись внутренние нагрузки – помощь матери, младшие брат и сестра. Из этих неумных лет выросли упорство и недюжинная душевная сила, развилась способность держать любой удар судьбы. Не зря потом она больше всего любила метели, гуляла в буран, когда природа рвется из привычных стесняющих рамок в безумном самоискушении проявить необычайную, совершенную буйную силу, неподвластную чьему-либо управлению. Раиса выросла с ощущением своей внутренней гармонии и привлекательности, переросших со временем в неподдельное женское очарование. Вместе с тем родились и нетерпимость к конкурентам, желание по-мужски решать проблемы, оттесняя тех, кто мог бы ее затмить. Ей хотелось блистать одной, причем так, чтобы мужской склад ума, как дополнительный мотор, работал в помощь женской харизмы. Потом Горбачев утверждал, что Раиса чувствовала духовную близость с Маргарет Тэтчер, и этим двум женщинам было комфортно общаться. Если это так, то они излучали почти одинаковую силу, но находились на разных полюсах бытия.

Родительская модель отношений оставалась для Раисы непререкаемой. Отец с матерью жили дружно, безоговорочно поддерживая друг друга. В семье Максима Титаренко присутствовали те же неоспоримые долг и ответственность, что и в семье Сергея Горбачева, – сходство консервативных позиций, замешанных на суровых социалистических принципах, породило схожие взгляды у детей. В то же время ей претила материнская роль – какая-то скорбная, слишком затененная, неказистая. Ко времени студенчества она уже привыкла быть в центре внимания, не только осознавать свою женскую притягательность, но и убедительно пользоваться острым изобретательным умом. Нет, воспитанная по мужскому типу, на роль матери она не может претендовать, не имеет права. Кроме того, ее ощущения раннего взросления были ощущениями скорее мальчика, чем девочки; ей постоянно приходилось решать мужские вопросы, и в том числе тогда, когда ее осознание внутренней силы столкнулось с безнадежной закостенелостью необразованной матери. Став взрослой, Раиса чувствовала себя способной на очень многое, на гораздо большее, чем ее сверстницы, росшие в тепличных условиях больших городов, у которых женственность всегда была тождественна мягкости.

На беговой дорожке Жизни

Итак, долг и ответственность – вот два ключевых убеждения, на которые в самом деле опирались отношения двух породнившихся людей. Каждый из них имел внутри установку – бороться за лучшую форму реальности, найти при этом соратника, единомышленника, с которым можно пройти жизненный путь вместе. Семья осознавалась обоими как универсальная и содержательная форма организации жизненного уклада, с учетом неукоснительного следования моногамным принципам и единственно верному правилу, направленному на укрепление монолита. Семья – это лучшая жизнь, а отказ от принципа правильного семейного строительства – путь на обочину общества. Этот лозунг повсеместно внедрялся в форме общественной морали будущего коммунистического общества, а Михаил и Раиса желали ни много ни мало находиться в группе предводителей этого нового общества. Жажду первенства Михаил получил от матери, Раиса унаследовала от отца. Внутренняя установка каждого предполагала неоспоримое лидерство, поэтому общая семейная установка также подразумевала успех. Следование принципам, среди прочего, обеспечивал еще и страх оказаться среди аутсайдеров. Особенно актуальным он был для Михаила, хорошо осознающего, что для него откат может состоять в возвращении в лоно истерзанного крестьянства с вечной мыслью о недостающих двадцати рублях.

«Конечно, семья дала важнейший нравственный импульс моему становлению как личности и гражданина», – оценивал в зрелом возрасте Михаил Горбачев роль семьи, из которой он вышел. Поэтому ключевые понятия – долг и ответственность, подкрепленные суровым, как казарменная зуботычина, временем, – ставились во главу угла во всем. С этих понятий у данной пары все началось и ими все закончилось. Консервативная последовательность, смешанная с подчеркнутой деликатностью, соблюдалась во всем, и в интимной близости особенно: «Мы полгода ходили рядом, держась за руку. Потом полтора года уже не только за руку держались. Но все-таки мужем и женой стали после свадьбы».

Организовали студенческую свадьбу, на которую в течение лета каторжно-полевого труда на комбайне заработал Михаил. Это стало его первым самостоятельным шагом и многообещающим намеком на то, что мужскую функцию «добытчика» он берет на себя. В этом контексте новый костюм для жениха и новое платье для невесты являлись символом самостоятельности и твердых намерений вести семейный лайнер уверенно и торжественно. Для такого «доказательства» состоятельности была еще одна причина. Ведь Раиса родительского благословения выйти замуж, да еще за несостоятельного студента из крестьянской семьи, не спросила. А сообщение о самостоятельном решении молодых людей «в последний момент» могло предубежденно настроить ее родителей против юного зятя. Однако демонстрацией ответственности в сложившейся ситуации Горбачев сумел в конце концов вернуть себе расположение родителей жены. Естественно, и в глазах Раисы он выглядел настоящим героем. Однако будущий генеральный секретарь признавал, что с матерью Раисы «сначала не получалось». Даже такой скупой намек всегда взвешенного и крайне сдержанного Горбачева говорит о том, что он поначалу слабо вписывался в сценарный план семьи Титаренко. А вот сама Раиса сумела разглядеть в нем недюжинный потенциал, который намеревалась осторожно раскрыть.

Прежде чем говорить о принципах совместной жизни четы Горбачевых, необходимо сделать небольшое отступление, связанное с их встречей. По словам Михаила Горбачева, на момент их знакомства и развития отношений Раиса переживала «драму на личной почве», причем «в отношении вмешались родители». Она пребывала в депрессии и испытывала глубокое разочарование в отношении мужчин. Хотя детали этого душевного кризиса неизвестны, даже из общего характера сообщения можно сделать вывод об исключительно

серьезном подходе девушки к амурным вопросам. Похоже, полутонув в сердечных делах для Раисы не существовало, как, кажется, отвергала она и флирт ради флирта. Она рассматривала отношения с молодым человеком сквозь призму потенциального брака, «примеряя» на него роль будущего мужа. Потому и переживания оказались крайне глубокими, для нее была неприемлема и неприятна даже сама мысль о том, что кто-то пытается воспользоваться отношениями с нею лишь как временным развлечением. Точно так же и Михаил Горбачев, не форсируя события, но и не оставляя Раису, показывал ей и окружающим прежде всего серьезность намерений. Но в этом драматическом эпизоде юности интересен еще один момент – отношение к родителям. Если тогда она позволила родителям вмешаться и скорректировать свой жизненный сценарий, несмотря на мятежную, маниакальную самостоятельность, то впоследствии вынесла из этого урок на всю жизнь, а именно: не допускать к принятию решений никого, кроме одного человека – того, с кем она собиралась связать жизнь. Это весьма ценный нюанс для понимания семейного уклада Горбачевых: с момента объединения они без колебаний игнорировали весь остальной мир в любых вопросах, касающихся семьи, и, стало быть, стратегических для жизни решений. Семьи, опирающиеся на собственные решения, спокойно отстраняющиеся от родительской опеки, всегда отличались большей живучестью и равновесием, чем допускающие в планирование своей жизни родню.

Если первоначально студент Горбачев был очарован внешней привлекательностью своей избранницы, то очень скоро убедился, что ее главные достоинства спрятаны гораздо глубже. Чем больше он узнавал понравившуюся девушку, чем больше поражался обнаруженным несметным богатствам души, среди которых был язвительный и тонкий, словно отточенное лезвие ножа, ум. Но, кажется, более всего Михаил был покорен неукошительным стремлением Раисы к самореализации. Если у значительной части встреченных на жизненном пути девушек угадывались легковесность, стремление соизмерить все с «главной женской задачей» – удачно выйти замуж и стать пристойной женой и матерью, то Раиса была несоизмеримо выше этих пресных понятий. Твердая платформа убеждений, на которую она сумела взобраться к середине университетского пути, предусматривала конкретные достижения, которые могли бы не столько придать ее образу некий дополнительный блеск, сколько открыть дверь в иной мир, отличный от привычной послевоенной тоски. Он уловил в ней высокие амбиции, и ему, также смотревшему ввысь с тоской бескрылой птицы, они были не только не чужды, но и удивительно близки. Ее внутренние установки и жизненные принципы также изумляли синхронизацией с его мировоззрением и сформированными для себя правилами. Идея объединения усилий на тропе жизни выросла как раз из осознания сходства дальних целей и способов их достижения. Конечно, речь в их долгих беседах, которые становились все откровеннее, не шла, скажем, о высоких должностях во власти или о каких-либо научных знаниях. Они знакомились в первую очередь с мотивациями друг друга, убеждались в обоюдной целеустремленности, трезвости мышления и душевной чистоплотности. Все остальное вытекало из первичных принципов, и не стань Горбачев генеральным секретарем и президентом, он все равно добился бы весомых, признаваемых в обществе результатов своей деятельности. В начале совместного пути важны были не столько точки приложения сил, сколько готовность к усилиям. Это была прелюдия как раз к той могучей концентрации сил мужчины и женщины, которая приводит к неординарным решениям и феерическим результатам.

Распределение ролей в семье во всех случаях и на всех ступенях движения крайне важно, и Горбачевы очень тонко это чувствовали. Им это распределение удавалось. Не будет преувеличением сказать, что наиболее скользкий, аварийный участок находился, как и у большинства целеустремленных пар, в начале пути, когда высокий удельный вес трудностей и тревог еще затмевает далекие цели обыденными проблемами, необустроенностью быта и перипетиями становления. Михаил и Раиса достойно преодолели этот отрезок, не в послед-

ную очередь благодаря установившемуся доверию внутри семьи, полной откровенности и сознательной фильтрации тех, кто был вхож в семью. Таких всегда оказывалось очень мало – исключительно приближенные, не раз проверенные, обязательно деликатные люди. Когда, взвалив на плечи комсомольско – партийную ношу, Михаил начал захлебываться работой, Раиса старалась не отставать – «месила грязь» ставропольских поселков для реализации какого-то социологического исследования, которое многим неискушенным дамам показалось бы комичным и глупым занятием. Но эта, казалось бы, ненужная, но отнюдь не легкая работа, скрупулезное корпение над диссертацией и ее защита, а позже написание книг и организация всевозможных фондов и ассоциаций – все это звенья в непрерывной цепи самоактуализации, направленные на соответствие своему быстро продвигающемуся по служебной лестнице супругу. Михаил Горбачев всю жизнь удивлялся, откуда в сельской девочке родилась такая проникновенность, тонкость души, как он сам говорил, «эта порода»? Все духовное богатство, все ее мироощущения, чистая энергетика и глубокая зачарованность жизнью проистекали из неиссякаемого стремления оставаться самодостаточной при любых внешних обстоятельствах, искать новые формы выражения личности, не допускать замирания, статики в отношениях с миром, всегда, на любом отрезке своей жизни, развиваться. Анализ их совместной жизни наводит на мысль, что именно это не исчезающее, не меркнувшее с годами стремление к большему, к экстраординарному Михаил Горбачев ценил в своей супруге больше всего на свете.

Ее вклад в семейное дело всегда был весомым, но даже при всех трудностях жизни на съемных квартирках и в потертой, грязноватой коммуналке главным вектором оставалось развитие личности. Успевание за мужем обеспечило ей и глубокое уважение с его стороны, и социальную автономность, узнавание не только как «жены Горбачева», но и как самостоятельно развивающегося человека. Благодаря этим усилиям она всегда была в курсе тонкостей аппаратной борьбы супруга, стала не его тенью, а скорее ангелом, наделенным своеобразной, полемической, задорной и очень выразительной логикой. Многие решения, озвученные и реализованные Михаилом Горбачевым, являлись либо плодом ее мозга, либо вынашивались совместно. Она умела учиться непринужденно, на ходу сканируя все разншерстное окружение супруга-партийца, точно оценивая и потенциал, и человеческие качества каждого. В этом прежде всего заключалась ее женская сила общего семейного оружия. Благодаря ей в сверхплотных графиках работы Горбачева находились временные островки для отдыха, моментов расслабления и переключения внимания на другое. Близкое общение с природой, любовь к театру, страсть к всевозможным поездкам и путешествиям – все это усилиями Раисы прижилось в семье с цепкостью растущих на скалах растений.

Как ни удивительны ее стремление к собственному росту, ее неослабеваемая жажда отыскать свой фарватер, все же следование за мужем оставалось в итоге делом номер один. Действительно, чем бы активно ни занималась Раиса, результаты посвящались продвижению мужа. Очевидно, вековая дань патриархату и покрытые пылью веков славянские традиции вынуждали ее действовать по такому принципу. Если в Европе с ее более динамичными изменениями и могущественными законами сильная и волевая женщина уже могла рассчитывать на самостоятельную роль, на славянских просторах этот путь был если не рискованным, то просто зыбким для продуктивной семейной модели. Потому Раиса Горбачева осознанно и с самого начала избрала для себя образ покладистой жены, тем не менее имеющей скрытое влияние на супруга. Сложно сказать, насколько имело место «вращивание» большого советского политика, но то, что эта женщина приложила руку к появлению на Олимпе партийной номенклатуры нового выразительного лица, бесспорно. Она не желала довольствоваться ролью привлекательной сопровождающей, она всегда жаждала быть чем-то самостоятельным и самобытным. И во всем пыталась сравниться с мужем, не уступать ему в интеллекте. «У нас была большая комната, разделенная стеной. В одной части рабо-

тал я, в другой – Раиса Максимовна», – вспоминал Горбачев. Может быть, поэтому Михаил Сергеевич всегда советовался с женой, прежде чем решиться на что-то серьезное. В этом он чем-то походил на римского императора Августа, не начинавшего ничего без одобрения своей жены Ливии. Если на Горбачеве и появлялся отпечаток величия, то оставил его не кто иной, как его собственная жена.

Без лишнего шума Раиса Горбачева работала над докторской диссертацией. Она сумела даже выпустить книгу воспоминаний «Я надеюсь», в которой представила мужа значительным реформатором, разумеется, сквозь призму безупречной личной жизни. А после ее смерти, разбирая бумаги жены, Горбачев обнаружил почти готовые тридцать три главы новой книги. Она знала, как важно зафиксировать в массовом сознании ту или иную частную информацию, которая через годы приобретает статус важного архива видного государственного деятеля. Даже умирая, она создавала ему и своей семье памятник.

Характерно, что даже при чтении книги Горбачева «Жизнь и реформы» бросается в глаза, что, описывая свою подругу жизни молодой женой или студенткой, Михаил Горбачев неизменно называет ее по имени и отчеству – Раиса Максимовна. С одной стороны тут обнаруживается его зажатость – следствие многолетней политической настороженности, ожидания подвоха отовсюду, что вызвало к жизни суровый официоз во всем, имеющем хоть малейшее отношение к двойным трактовкам. Естественно, личная жизнь политика советской эпохи столь крупного калибра однозначно подлежала ретушированию. Кстати, именно поэтому в своей книге «Жизнь и реформы», выпущенной в 1995 году, он ни словом не обмолвился о проблемах в семье дочери, которая вскоре после свадьбы развелась с мужем. Но с другой стороны, в официальном обозначении жены мелькает и нечто личное, связанное с истинным положением вещей в семье. Действительно, Раиса Максимовна играла гораздо большую роль в становлении политического лидера, нежели просто верная подруга, которая безропотно подчиняется воле судьбы. Переезды, сложный быт, постоянные командировки и выезды, безразмерный рабочий день и вечное ожидание мужа... Подкупает откровение Горбачева относительно ключевого в его карьере момента, когда после смерти Черненко и перед судьбоносными заседаниями Политбюро и Пленума ЦК КПСС он вернулся домой к четырем утра и все время до рассвета провел в серьезном обсуждении положения вещей с женой. Главное в жизни решение освятила и благословила она. Но, кажется, она больше подбадривала своего мужчину, вселяла в него уверенность в окончательной победе, чем он призывал ее к терпению. Кажется, благодаря ей Михаил Горбачев всегда сохранял небывалую осторожность, особую гибкость и мягкую поступательность продвижения к цели, исповедовал отказ от форсированных методов, влекущих за собой большие риски. Лишь после смерти любимой женщины экс-президент обрел раскованность и спокойствие человека, который уже ничего не в силах изменить и в отношении которого уже принципиально ничего не изменится. Его лицо как бы смягчилось и приобрело в глазах миллионов обычный человеческий вид. Он стал проще, начал без оглядки на политику и масс-медиа давать оценки прошедших лет, и в том числе личной жизни. И стал чаще называть ее Рая...

По поводу роли Раисы Горбачевой существуют самые разные рассказы, которые уже невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. К примеру, в публицистическом исследовании Бориса Новикова «Цирк уехал...» можно отыскать интересный пассаж, связанный со становлением Горбачева, записанный со слов некоего полковника ГРУ ГШ СССР. В частности, осведомленный представитель советской военной разведки утверждал, что Раиса Титаренко «имела родственников в семьях важных особ в столице: в семьях первого зама председателя Госплана СССР Сабурова и первого же зама министра иностранных дел Громыко». «Вместе с рукой и сердцем Раи Миша получил возможность проводить выходные на дачах в Серебряном Бору на реке Москва, куда уже вселялись многочисленные потомки пламенных революционеров», – полагал опытный «гээршник». В общем-то, нельзя исключать,

что высокопоставленные партийцы снабдили молодого человека многочисленными полезными инструкциями в отношении продвижения по карьерной лестнице. Ибо, в самом деле, многие моменты его карьеры вызывают недоуменные вопросы. Отчего так легко удался судьбоносный поворот от работы в прокуратуре (после окончания юридического факультета МГУ) к комсомольско-партийному направлению? Как удалось при довольно острой критике и имевших место конфликтах с руководителями быстро и легко продвигаться к вышестоящим должностям? В своей книге Михаил Горбачев также косвенно упоминает эпизод, из которого следует, что «его вели» по иерархической лестнице строго вверх. Так, при разрешении напряженной ситуации с одним из своих ставропольских руководителей Ефремовым он привел следующий диалог, не нуждающийся в комментариях:

«— Поедешь в Москву, — с явным неудовольствием ответил он [Ефремов].

Оказалось, что вопрос о моем выдвижении на пост второго секретаря уже предreshен. Ефремов тут же собрал бюро крайкома, и оно... единодушно высказалось в поддержку моей кандидатуры.

— Езжай в Москву, — вот и все, что я услышал от него [после бюро крайкома. — В. Б.].

— Куда? К кому? Какие рекомендации?

— Сам знаешь куда — в орготдел ЦК. Там твоих заступников хватает».

Несколько позже и пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству Михаил Горбачев получил, перепрыгнув сразу несколько карьерных ступенек иерархической лестницы. В самом деле, почему именно он после внезапной смерти очередного члена ЦК в Кремле оказался бесспорным претендентом на то единственное кресло, для которого Горбачев с его узкой сельскохозяйственной специализацией являлся «проходным», и не была ли тут жена гораздо больше, чем помощницей?! Четкого ответа на этот вопрос нет, но важно, что и тут Раиса дополняла его, придавала целостность его образу. Ведь в партийные времена как раз жена могла ненавязчиво сделать своего бурно растущего спутника карликовым деревцем. Не секрет, что вся партийно-кабинетная жизнь напоминала хитросплетения интриг, перерастающие порой, когда у кого-то сдавали нервы, в сложные баталии с неожиданными развязками, более удивительными и впечатляющими, чем на реальных полях сражений. Также не секрет, что Горбачев, вступив в борьбу за место под теплым партийным солнцем, фактически сел за карточный стол — играть в бесконечную игру в покер, азартную, захватывающую, но и леденящую кровь перспективой полного банкротства. Горбачев играл, никому не доверяя и мало веря в победу логики. При всей своей кажущейся (или выплывающей из его книг) принципиальности и уверенности в отстаивании позиций он заигрывал с властью и никогда глубоко не зарывался, если только не был твердо уверен в могучей поддержке со стороны. Один из многочисленных примеров, доказывающих невероятную гибкость позиций будущего генсека КПСС, он приводит сам. Когда один из преподавателей Ставропольского сельхозинститута издал противоречивую книгу, Горбачев по сигналу из Москвы накинулся на него, как бескомпромиссный бульдог, и враз вместе с «партийными товарищами» раздавил неугодного. Горбачев продемонстрировал тут и напускное отсутствие человечности, и хитроумное сплетение суждений. Уж если что делал, так с душой! Несчастный автор, едва удержавшись в партии, был вынужден уехать в другой город. И это несмотря на признание Горбачевым важности идей, высказанных в работе, и на симпатии его к автору. «По существу, Садыков сформулировал ряд идей, которые стали находить свое решение лишь с началом перестройки. Но до перестройки надо было еще прожить более пятнадцати лет», — без всякого намека на эмоции рассказывал Горбачев. Он научился скрывать свои истинные мысли и быть скользким, словно борец, намазавший тело жиром. Хладнокровию и выдержке этого рьяного партийца мог бы позавидовать и удав. И как кажется, его многосторонние таланты аппаратчика проявились далеко не без участия супруги. С самого начала борьбы она стала не только спасительным клапаном для выпуска накопившегося во время работы пара, но и

очень неплохим регулировщиком, указывающим верное направление движения. Взирая на ситуацию со стороны и вместе с тем будучи в курсе событий, хорошо разбираясь в людях, она нередко давала весьма ценные советы. Кроме того, пришло время, когда многие важные решения принимались во время непринужденных встреч семьями. Например, Горбачевы были тесно связаны с Андроповыми. И поэтому неслучайно эти женские, бурлящие внутри, как в котле, переживания вылились в insult Раисы Максимовны во время заговора ГКЧП. Этот факт – еще одно подтверждение того, что она всегда находилась рядом с мужем, буквально пропуская через себя его проблемы.

И все же карьерный рост лишь косвенно связан с отношениями внутри семьи. Несомненно, невидимый пресс всемогущей руки присутствовал во всей партийной жизни

Горбачева – иначе и быть не могло. Но эта внешняя установка необходимости не имеет никаких проблем в семье тесно увязывалась с внутренним комфортом, с Раисой. Да, все что происходило на людях, являлось игрой, данью необходимости, но был и другой уровень отношений, о котором сам Горбачев рассказал после смерти супруги: «Если сначала была молодая страсть, то потом добавились сотрудничество, дружба, когда мы друг другу могли сказать все. Мы оказались единомышленники во взглядах на жизнь». Если выдавалась свободная минута, они старались не расставаться. Походы на природу, непрерывные поездки по городам (особенно после переезда в Москву на работу в ЦК) и странам – уже в качестве первого лица государства – все это объединяло их внутренний мир, роднило, обогащало, дарило наслаждение общения. Они спешили жить и всегда ценили каждую прожитую минуту. Последнее совместное турне Горбачевы совершили в далекую Австралию – за месяц до того, как у Раисы Максимовны обнаружили неизлечимую болезнь, и за три до окончания ее земного пути. Но, слишком увлеченные жизнью, они не подозревали, что это уже элегия мягкой, задушевной осени перед расставанием навсегда, лирическое подведение итога в преддверии вечного сна...

Любовь, преломленная во времени

Слова Раисы Горбачевой, взятые для эпитафии, полностью отражают ее внутреннее содержание как подруги и жены. Ее идеология зиждется, прежде всего, на таком основополагающем принципе, как признание традиционной роли женщины – верного друга и помощницы мужчины. Раиса проявила себя в экстремальных условиях, и это подтвердило ее надежность, способность реагировать на события с отвагой воина и гибкостью человека, привыкшего к испытаниям, умеющего брать на себя, возможно, самую сложную функцию – функцию поддержки. Когда реальная опасность угрожала не только жизни мужа и ей самой, но и их дочери, Раиса проявила завидные выдержку и хладнокровие, принявшись искать выход из ситуации вместе с супругом. Этот непростой эпизод в совместной жизни Горбачевых продемонстрировал лучшие качества семьи: внутреннюю силу, выдержку, верность.

«Мир жен – это зеркальное отражение иерархии руководящих мужей, вдобавок с некоторыми женскими нюансами», – так описывал Горбачев жизнь на советском Олимпе через несколько лет после отставки. Конечно, они не могли быть вне правил; и ему, и Раисе приходилось играть, надевать неприятные маски ради достижения поставленной цели. Но как раз в силу неподдельного единства они казались иными, чужаками, вошедшими в дом без приглашения. Наверное, поэтому Михаил Горбачев с особой гордостью подчеркивал, что его жена по приезде в Москву первым делом восстановила свои научные связи и «сразу же включилась в знакомый ей мир научных дискуссий, симпозиумов, конференций, просто дружеских встреч». Этим он подчеркнул несхожесть Раисы с «кремлевскими женами», которые в большинстве своем оставались просто отвратными сплетницами, прячущимися за спинами высокопоставленных мужей.

Никогда не были Горбачевы всерьез озабочены и бытовыми проблемами, как и любыми приобретениями материального характера. Материальное всегда затмевали более крупные цели. Они с самого начала вместе стали охотниками за крупной дичью, потому-то и достигли таких головокружительных высот во власти. В начале пути «быт» для послевоенного времени крайне изнуренной Советской страны казался приученным к терпению молодым людям вообще словом неуместным. Для народа, прибитого к земле сталинскими застенками, жизнь сама по себе уже казалась благом, невыдуманным раем. Михаила Горбачева, память которого сохранила такую экзотику, как сон с теленком, чтобы согреться, и Раю Титаренко, знающую шокирующие цивилизованного человека подробности жизни в передвижных теплушках, трудно было напугать темными декорациями советского семейного строительства. Зато детские эпизоды цвета плесени породили у целого поколения утробное желание двигаться к красивой, более яркой жизни, пропуская трудности, как воду сквозь пальцы. Для студенческой пары первого университета страны жить в разных комнатах общежития оказалось вполне приемлемо – никто не мечтал о житейских предпочтениях тотчас. Но то, что быт первых лет «ставропольского периода» был действительно тяжелым, очевидно. Как не приходится сомневаться и в том, что основной груз лег на женские плечи: в то время, когда Горбачев «ковал» в полях Ставропольского края высокие должности, его жене необходимо было заботиться о том, чтобы едва зажженный очаг не погас. А ведь она могла бы оставаться в Москве – вопрос об аспирантуре был заведомо решен (окончив университет на год раньше Михаила, она уже успела сдать кандидатские экзамены и приступить к написанию диссертации). Теперь же, отложив все научные начинания, бросив уютную столичную жизнь, молодая женщина на несколько лет оказалась в очень незавидном положении. «Коммунистической леди с парижским шиком» она станет много позже, а вот первые два года – в «запущенной» комнатухе в качестве квартирантов у любезных престарелых интеллигентов, естественно, без удобств, с туалетом, водой, дровами и углем на улице; затем еще три года, уже с появившимся в семье пополнением, – в громадной, на девять комнат, коммуналке. Наконец после этих испытаний у Горбачевых появилась отдельная двухкомнатная квартира. Тогда люди жили и гораздо хуже, многие бедствовали. Тест на дискомфорт семья сдала легко, наверное, потому, что впереди маячили очень яркие, манящие огни великой миссии. По словам Горбачева, только когда дочери исполнилось десять лет, они сумели «обустроить двухкомнатную квартиру» (полученную за семь лет до этого) и купить телевизор. Эти бытовые подробности хорошо отражают их общий внутренний мир. Во-первых, забота о быте никогда не заслоняла главного – отношений. А во-вторых, им для полноценной жизни хватало друг друга. Ярким подтверждением душевного единения могла бы послужить ставропольская переписка, когда письма писались друг другу постоянно, даже в ходе недолгих командировок. Общение являлось всем, и оно было желанным; с него все началось, и им все закончилось.

Их семейное счастье в сущности оказалось искусством возможного. Но если рассмотреть жизнь этой пары под микроскопом, выяснится, что все действия были продуманными актами, воплощением искреннего и настойчивого желания преобразовать и украшать свою жизнь новыми радостями и ощущениями, вызывать друг у друга сильные эмоции. Может показаться удивительным, но высокая планка целей в значительной степени являлась сберегательным банком для этого брака. Постоянная деятельность, непрерывная забота о карьере не оставляли времени для тех противоречивых мыслей и необузданных желаний, которые порой превращают поле семейного благополучия в минный полигон, на котором кто-то, слишком увлеченный собственными ощущениями, обязательно ошибется. Человек очень часто выступает разрушителем собственного счастья, а неспособность до конца разобраться в себе нередко становится главной преградой на пути к гармонии. Горбачевы избежали этого удела, и не в последнюю очередь в силу сформированного устойчивого стремления к реа-

лизации невероятных по масштабу планов. Это заполнило все существующее пространство, заставило сконцентрировать внимание таким образом, что кроме преходящих целей во власти и преобразований существующего мира оставалась лишь семья.

В свою бытность первой леди великой державы Раиса Горбачева шокировала слишком многих. Хотя некоторые ученые упорно ищут медицинскую причину лейкемии в послевоенных испытаниях на Семипалатинском полигоне, не исключено, что именно неприязнь большого количества людей на энергетическом уровне и вылилась в ее роковую болезнь. Историк Рой Медведев уверен, что активность, непривычная броскость нарядов первой леди вызвала неприязнь и бурные негативные эмоции и по отношению к лидеру государства – все это казалось слишком вопиющим презрением к неписанным правилам для женщин Кремля, введенным еще Сталиным.

Но в этом проявилась и самодостаточность жены генсека. Ведь даже настойчивое появление на телеэкранах с несколько наивными и вызывающими раздражение «пророчествами» было не более чем желанием показать свое самостоятельное лицо, заявить, что речь идет не о «жене лидера», а о заметном в обществе человеке, имеющим вес не благодаря мужу, а в силу личной неординарности. Обладала ли она выдающимися качествами, позволяющими говорить о себе как о личности, развивающейся *независимо и отдельно* от мужа? И да и нет. Нет, потому что, реализовываясь как подруга мужчины, жена и мать, она не имела интеллектуального потенциала, чтобы обращаться к многомиллионной аудитории с действительно уникальными идеями. Таких идей в ее арсенале, в принципе, не было. Кроме, впрочем, одной, которую упорно не желали замечать: она выступила на арене почти идеальной, эталонной женой. И в этом, собственно, и заключалось «да» в отношении ее особых личностных качеств, потому что способность адекватно предстать перед камерами, продемонстрировать «образ» первой леди, по сути, уже являлась неординарной.

Она представляла контраст не только с блеклыми тенями всех предшествующих кремлевских хозяек времен социализма, но и в сравнении с «раскованными» женщинами Запада. Она заставила обратить на себя внимание как на женщину, пусть и жену, но способную стоять в стороне, слишком заметно излучая яркий свет. Вот почему ей никогда не прощали этот вызов, ведь такое поведение являлось настоящей пощечиной принятому и утвержденному в обществе «трафарету» советской женщины. На Раису обратили внимание, и в этом состоял ее успех как состоявшейся личности, несмотря на злобный сарказм и ругань, потоки которой достались ей в награду, как и всякому новатору, ломающему правила. Может быть, поэтому Михаил Горбачев никогда не скрывал своего восхищения живущей рядом женщиной. Через семь лет после смерти Раисы Михаил Горбачев сказал о своей жене: «Колоссальная сила духа, сложнейший внутренний мир, Вселенная. Может, оттого Раиса и не стала заурядно-привычной, как это нередко бывает у супругов. Откуда в ней, выросшей в тайге, в вагончиках, в простой среде строителей дорог, вечно кочующих, как цыгане, такой аристократизм? Откуда эта сдержанная гордость, захватившая меня с самых первых встреч?» В этих эмоционально окрашенных словах содержится крайне важная деталь: Раиса не стала заурядно-привычной в силу особой духовности, в силу доминирования в представлениях обоих супругов духовной составляющей. Что такое быт и секс или даже формальные карьерные достижения в сравнении с великим и вечным – любовью, смертью, предназначением? Сила этой семьи родилась из одинакового представления о главных составляющих бытия, а еще – из единодушного осознания своей готовности к миссии и принятия этой миссии.

«Трудно сказать, как бы сложилась его судьба, если бы он не женился на Раисе» – эти слова из книги Валерия Болдина, помощника президента Горбачева, часто цитируют те, кто пишет об этой паре. «Отношение к внешнему миру и характер его жены сыграли решающую роль в его судьбе и, я уверен, в существенной степени отразились на судьбе партии и всей страны», – утверждает Болдин. Поговаривали, что Раиса Максимовна обожала быть в центре

внимания и становилась настоящей тигрицей, если кто-нибудь из женщин намеревался привлечь к себе внимание в ущерб ей, первой леди. Что в силу банальной ревности она оттеснила Валентину Терешкову, первую женщину-космонавта, с которой традиционно встречались разнокалиберные гости великой страны. Стоит ли ее осуждать за это? Необходимо признать, что она была и оставалась прежде всего женщиной, не претендуя на переход в мужскую плоскость. Ее мудрость проявилась и в том, что свою недюжинную силу и неоспоримый талант она направляла на «усиление» мужских качеств своего спутника жизни, с которым разделила все. Таким образом, вместе они составляли нечто новое, доселе невиданное, несвойственное своей среде, вызывающее неподдельный интерес у современников и потомков. Поэтому, наверное, именно этой во многом блистательной паре суждено было прорвать многолетнюю изоляцию законсервированного в своих мнимых ценностях СССР и, что еще более изумляет, наладить личные неформальные отношения со многими западными лидерами. «В отличие от Булганина и Хрущева, первых советских руководителей, посетивших Великобританию тридцать три года назад, президент Горбачев и госпожа Горбачева были приняты королевой не за чашкой чая, а за завтраком из трех блюд и встречены такой церемонией приветствия, по которой лишь самый искушенный знаток протокола смог бы определить, что она чуть-чуть не достигает полномасштабного государственного визита», – писала «Таймс», и в этой подаче вояжа советского лидера сквозит признание неординарности и новизны в облике тогда еще необычных и несколько загадочных гостей.

Специалисты отмечают, что после отставки с поста Президента СССР Михаил Горбачев написал шесть книг, кивая при этом на его незаменимого помощника и советника – жену, стоически взявшую на себя почти всю черновую работу: проверку документов, выписки из архивов, литературное «причесывание» рукописей и многое другое. Она и тут правильно оценила ситуацию: слушать будут и *должны* его, а значит, ее долг – максимально помочь запечатлеть на скрижалях истории его роль, а в конечном итоге – и роль семьи. Время показало, что она не ошиблась.

Небезынтересно, что большинство думающих людей адекватно оценивают и профессиональную деятельность Михаила Горбачева. По сути, она логично связана со всеми остальными сферами его жизни и прежде всего – с семейной жизнью, в которой все отмечают его предельную честность и чистоплотность. Выходец из крестьянских низов, имеющих укоренившееся в подсознании уважительное отношение не только к отцу-матери, но и к более глубоким родовым традициям, самой земле и природе, он не мог даже на закате жизни режима относиться к окружающему миру исключительно как эксплуататор. Ответственный в браке, перед родителями и детьми, он ощущал определенную ответственность и перед страной, руководства которой добился в нелегкой борьбе за власть. Доза ответственности определялась и ограничивалась инстинктом самосохранения с двух противоположных полюсов. На одном полюсе его сдерживала та партийная номенклатура, из которой он вырос и от которой боялся оторваться слишком далеко из-за необходимости поддержки. На другом – не меньшие опасения зайти слишком далеко, настолько далеко, чтобы не быть смятым снизу, непонятыми и непредсказуемыми массами, не знающими, как распорядиться внезапной свободой и демократией. Отсюда и осознанное вовлечение в работу жены, которую он считал универсальным и самым преданным соратником, способным просчитать самые главные риски, относящиеся как к семье и здоровью, так и ко всему вообще. Именно поэтому отношение большинства неравнодушных и думающих наблюдателей к Горбачеву может быть лучше всего выражено словами его современника Виталия Вульфа: «Это человек, у которого были искренние мечтания, порой утопические, о том, что можно перестроить страну. Для меня Горбачев – символ перемен и честных помыслов в политической деятельности». Действительно, истинное, человеческое лицо Горбачева ярче всего проступило

после тяжелого ухода из власти: он показал себя собранным, неподвластным «лишним» эмоциям и, главное, очень деятельным человеком.

* * *

Горбачев всегда был энергичным и крайне сосредоточенным. Со смертью Раисы он потерял самую близкую душу, но сумел не изменить своим принципам. Без стеснения работал, не считая труд зазорным для экс-президента, чем расположил к себе даже многих скептиков-консерваторов, стонущих в ностальгии по тоталитарному садомазохистскому Советскому Союзу. К примеру, за счет рекламы пиццы сумел выкупить помещение для фонда собственного имени и приобрести необходимое оборудование для его работы. Любопытно, но и через десятилетие после отставки он оставался одним из самых дорогостоящих лекторов на планете. Гонорары за выступление этого политика, которого в мире многие считают одним из самых выдающихся представителей своего времени, составляли более ста тысяч долларов за лекцию и ответы на вопросы.

Мстислав Ростропович и Галина Вишневская

Мы неслись навстречу друг другу, и уже никакие силы не могли нас удержать. Будучи в свои двадцать восемь лет умудренной жизненным опытом женщиной, я всем сердцем почувствовала его молодой безудержный порыв, и все мои чувства, так долго бродившие во мне, не находя выхода, – уж коли я дала им волю, – понеслись ему навстречу.

Галина Вишневская

Ее духовной силе я обязан тем, что мы уехали из СССР, когда во мне уже не оставалось сил для борьбы и я начал медленно угасать.

Мстислав Ростропович

Мстислав Ростропович и Галина Вишневская – культовая пара советского периода. Их союз называли «самой знаменитой музыкальной семьей», и справедливо: благодаря сплетению обстоятельств и собственной решимости они оставили множество невыводимых отпечатков на бесконечной ленте истории. Своей практически повсеместной известностью они обязаны в первую очередь непримиримому духу и особому чувству независимости, толкавших их к рискованной общественно-политической деятельности, к борьбе против гнусного режима, беспощадные жернова которого с безмолвной мрачностью демона перемалывали кости их поколения. Выжив среди прогрессирующей болезни духа, они были обречены превратиться в один из самых ослепительных символов культурной элиты эпохи, и взаимная любовь вела их обоих по жизни, как путеводная звезда, вечное мерцание которой не позволяло сбиться с курса.

Острый рвотный рефлекс как синдром избыточного чувства достоинства у каждого из них был слишком силен, и, может быть, в этом причина долгих поисков каждым из них своей половинки. Но человек имеет право на любовь, имеет шанс корректировать свой сценарий жизни, особенно если внешние силы в виде войны, разрухи, демонстративного шабаша вокруг влияют на развивающийся ум с необычайной силой и если противодействие, как и понимание истинных ценностей, происходит не сразу. Впрочем, этим, возможно, и сильна история жизни исключительно одаренного музыканта и отнюдь не библейской, однако чрезвычайно чувственной и преданной женщины, великой певицы с редким голосом, цепкой волей к жизни и несгибаемым упорством. Особая привлекательность повести о любви именитого виолончелиста и неповторимой оперной певицы в том, что их союз был союзом равноправных, равносильных, состоявшихся личностей, устремленных в деятельную и насыщенную жизнь, содержательность которой обеспечивали сами. В высшей степени демонстративные, артистичные и склонные к авантюрам, они непрерывно в течение многих лет приковывали внимание миллионов своими действиями и кажущимися на первый взгляд непредсказуемыми порывами эмоций. На самом деле то были импульсы спланированных атак на коллективный разум человечества, попытка достучаться до черствеющей души цивилизации, призыв к духовности и заклинание не поддаваться все более ожесточенным атакам демонов, плодящихся во вселенной с невероятной скоростью. В итоге они стали неистощимыми апологетами любви, к которой сами также пришли не сразу, не просто, но с ликованием ищущего, сквозь озарение и обретение глубокой веры.

Выходцы из советского подземелья

Мятежность духа и страсть к самобытному, независимому и сугубо индивидуальному творчеству в равной степени были присущи и Ростроповичу, и Вишневской. Каждый из них прошел свой тернистый путь становления к личности, и в целом успех их брака основывался на одобрении мужчиной модели семьи своих родителей и яростном отвержении женщиной кощунственного стиля взаимоотношений собственных отца и матери. Для выбора каждого из них существовал свой набор аргументов и свое критическое число предпосылок. Сходным для двоих всегда оставались редкая чистоплотность отношений как особо охраняемая норма нравственности, честность в общении как единственно возможная данность. Наконец, неукоснительное стремление каждого к развитию собственной личности на фоне искренней вовлеченности в интимные переживания друг друга оставались постоянным стимулом поддержания интереса к совместной жизни и сформированным общим ценностям. Они относились друг к другу как к золотому запасу, помещенному в банк: его нужно беречь до самого последнего момента, но использовать как исключительное преимущество, броню.

Формирование шкалы ценностей Ростроповича чрезвычайно тесно связано с ориентацией на отцовскую судьбу. В этом был свой резон, ибо Леопольд Ростропович был блистательным мастером игры на виолончели. Он фактически преподнес сыну уникальную по сути идею – сценарий жизни музыканта, чем-то повторив судьбу своего зальцбургского тезки, сделавшего из сына раннее «музыкальное чудо». Довольно весомым шагом отца будущего советского виртуоза с точки зрения понимания его психического восприятия «потрясений и переворотов» стал поспешный отъезд семьи из искалеченного революцией Петрограда, – ему была чужда как борьба масс за самоопределение, так и борьба групп интеллектуалов-фанатиков за власть. Музыка несла особую волну самодостаточности, она растворяла обязательность участия в борьбе, как бы уводя в иную плоскость бытия; хотя музыка не избавляла от жизненных принципов. Это было то неотъемлемое и бесконечно ценное, помимо самой музыки, что удалось Ростроповичу-старшему вложить в голову взрослого сына. И конечно, связь отца и сына была скреплена дурманящим воображением даром мальчика: он, повторяя биографические вехи далекого Моцарца, с четырех лет справлялся со сложнейшими клавишными мелодиями.

Талант и интеллигентность юного Мстислава, казалось бы, подкреплялись генным набором матери Софьи Федотовой, удачливой пианистки из Оренбурга, с которой неказистый на вид музыкант Леопольд Ростропович навечно связал свою судьбу. В своих мемуарах Галина Вишневская назвала Леопольда Ростроповича (которого никогда не видела) «слабовольным», и в этом мимолетном замечании, которое отвечало, вероятно, мнению, сформированному в процессе общения с мужем и свекровью, заложен немаловажный нюанс: признавая за отцом право формировать его профессиональный сценарий, в области закалки психики приоритет всецело принадлежал матери. Мать дала ему веру в будущие достижения, с ее помощью в нем родилось устойчивое чувство уверенного в себе мужчины, мать надежно загрузила доставшуюся мальчику от отца едва проглядываемую в минуты отчаяния слабинку воли.

Родившись в семье профессиональных музыкантов вслед за сестрой Вероникой, он был просто обречен слышать каждый день прекрасную музыку, жить и расти с ней, развиваться под ее колдовским влиянием. Остальные грани жизни для мальчика неизменно оставались на втором плане. Как уже говорилось, и отец, и мать Мстислава являлись профессиональными музыкантами, причем мать окончила Московскую консерваторию. Показательным шагом родителей явился переезд в Москву – Леопольд Ростропович прекрасно понимал, что на реальное музыкальное будущее детям можно рассчитывать лишь в усло-

виях столицы, находясь в эпицентре музыкальной среды, учась у лучших мастеров. Уже через небольшой промежуток времени Мстислав сполна оценил правильность поступка отца: музыкальная школа Гнесиных стала первой вехой в его становлении и первым местом, где его оценили как талантливого виолончелиста. Этот вовсе не рядовой эпизод отпечатался в сознании юного дарования как фотоснимок: отец дал ему исключительный урок, своим поступком продемонстрировав, что нет ничего важнее интересов семьи.

Не прошло и года с момента поступления Мстислава в Гнесинку, как он с сестрой уже играл в Колонном зале, умиляя высокопоставленных чиновников страны Советов. Конечно, успехи подстегивали самолюбие юноши, подталкивали к еще большей усидчивости. Прямым следствием его волевых усилий стал прием в училище при Московской консерватории.

С приходом войны страну затянул непроницаемый сумрак. Спасаясь от надвигающейся волны смерти, семья Ростроповича перебралась в Оренбург. В это время произошло одно из ключевых в жизни Мстислава событий, перевернувшее его представление о действительности. Смерть отца, сердце которого не выдержало нагрузки безжалостной борьбы за выживание, все перетасовала в некогда беззаботной жизни юноши. В один миг он вырос, внутренне преобразился и без колебаний занял место главы семьи – отсюда, из этой ранней утраты, выросло его неизменное чувство долга перед семьей, сугубо мужская ответственность за все происходящее внутри маленького мирка «основной социальной ячейки». Этот принцип он перенес потом на свою семью и прошел с ним по жизни до конца. Тогда же, в военные годы, он зарабатывал виртуозной, но мало кому нужной игрой на скудный паек для семьи. Гиблое время заставило безропотно заниматься и другими делами – мастерить лампы-коптилки и рамки для фотографий. Семья выжила, он окреп и закалился и выполнил последнюю волю отца, память о котором хранил в себе, повторяя как заклинание: консерватория. Глубокая вера отца в его музыкальный успех передалась молодому Ростроповичу, став продолжением его собственной уверенности и стремления к росту; он вел себя на сцене непринужденно, как будто быть мастером ему предписано свыше. Но все же поле самореализации как-то тесно переплелось с семьей; он всегда оставался эмоционально вовлеченным в жизнь матери и сестры, информационно-энергетический обмен осуществлялся даже тогда, когда он уже вырос, стал самостоятельным и признанным музыкантом.

В двадцать лет Мстислав Ростропович стал первым на конкурсе Всемирного фестиваля молодежи, а такие авторитетные светила в музыкальном мире, как Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович, приняли его в свой круг общения как человека редкого таланта и выдающихся способностей. Но и в этот период он по-прежнему жил в коммуналке с матерью и сестрой, сосредоточившись на достижениях. Вадим Эрлихман считает, что молодой Ростропович, «как и его отец, был влюбчив, но бешеная гастрольная гонка – до 200 концертов в год! – не оставляла времени для личной жизни». Справедливым и аргументированным кажется его замечание о поиске Ростроповичем духовно близкого человека, именно в таком подходе сформировалась семья Леопольда Ростроповича и Софьи Федотовой. Тем не менее, Мстислав Ростропович некоторое время «неумело, по-юношески» ухаживал за Майей Плисецкой, увивался за известной в то время певицей Зарой Долухановой. Возможно, были и другие увлечения, не выросшие до фатальной страсти или роковой любви. Истинную духовную близость он почувствовал, лишь встретив Галину Вишневскую – поражающую не столько броской, где-то даже ослепляющей красотой, сколько исключительной славянской женственностью и одухотворенностью.

Между тем характер и мировоззрение Галины родились из внутренней драмы покинутого ребенка, ощущений «подкидыша», которые она испытывала в течение многих лет взросления. Родители, которые с первых дней жизни стали чужими, сформировали в ней тяжелый комплекс человека, лишённого любви и ласки. Это несносное болезненное чувство отложило неизгладимый отпечаток на формирование мотиваций на протяжении значитель-

ной части взрослой жизни – за ее кажущейся увлеченностью всегда стояли отстраненно-равнодушные тени отца и матери, толкавшие на поиск подлинной любви.

В детском восприятии Галины остались «отпечатки» красоты матери, ее «стройные ноги», «поразительно красивые руки». Хотя она восхищалась матерью «как бы со стороны», должно быть, через призму материнской красоты девочке передалось ощущение и собственной физической привлекательности. Образ отца в ее сознании фиксировался как силуэт безнадежного пьяницы, психически неуравновешенного, часто приходящего в состояние бешенства, к тому же человека беспринципного и нечистоплотного в отношениях с окружающим миром. В воспоминаниях Галина Вишневская пестрыми мазками дала картину родительской нелюбви, полной семейной разобщенности и равнодушия к ней. Озлобленные непредсказуемыми поворотами жизни, мало востребованные социумом, родители Вишневской практически отвергли своего ребенка, который не был желанным. Не умея создать сценарий собственной жизни, не желая даже учиться этому, они не задумываясь, резким движением перечеркнули и сценарий жизни собственной дочери. Крах человеческих чувств не сделал из нее черствое чудовище лишь потому, что многогранный, широкий диапазон проявлений жизни вынес ее, словно в пику ужасным родителям, на далекий берег, где обитали доброта, душевная красота и человечность. Действительно, с раннего детства Галине пришлось с близкого расстояния наблюдать две полярные формы человеческого: мерзкую, гадкую, низведенную до откровенного скотства и возвышенную, исполненную чуткости, любви к ближнему. Ее становление во многом напоминает детство и юность Горького, выросшего до самородка среди человеческого сора и гноса благодаря встреченным людям и книгам.

Жизненные принципы девочки формировались по двум взаимоотрицающим моделям: осознанием привлекательности духовного облика бабушки и растущей волной протеста против родителей – холодной, отчужденной матери и циничного, жуткого отца. Бабушка, простая крестьянка с большим сердцем, с ее неизменной добротой, жизненной мудростью и человеколюбием, как-то ненавязчиво и не особо требовательно, исключительно опираясь на собственный пример, внушила девочке, что доброе лучше злого. Существование впроголодь, беспросветная нищета времен строительства социализма, безумный калейдоскоп пьянства и лицемерия – все это не смогло испортить девочку, тянувшуюся даже к эху, к отголоскам прекрасного, как дикий виноград тянется к едва видимым выступам и выпуклостям, чтобы расти вверх. Жизнь тоже делала подсказки; живя, как определила Галина, «нараспашку» в коммунальных системах советского гетто, можно было многому научиться. На ее глазах повсеместная и смертоносная эпидемия алкоголизма наповал сбивала с ног и неотступно доканывала внешне нормальных и образованных людей. Люди, оказывавшиеся жадными и подлыми, умирали жуткой смертью в страшных муках, словно уже при жизни действовал принцип расплаты: одни в Рай, другие – в Ад. Хотя Раем часто была лишь обычная смерть, без дикой агонии отлетающей души.

Влияла на формирование характера Галины и третья сила – неподдающиеся обстоятельствам литературные герои. Хорошие книги с характерными образами часто заполняют пустоту в душах юных одиночек, делая их впечатлительными, тонкими и восприимчивыми натурами и деля на неисправимых мечтателей и вечных приверженцев активных действий. У покинутой девочки были все основания сделать ставку на деятельное движение. Настойчивость, безудержная отвага, неслыханная дерзость вскоре станут ее отличительными качествами. Пушкинская Татьяна с ее истовым поиском любви стала для Галины не просто любимым персонажем, а пожалуй, даже жизненным прототипом. Девочка росла такой отрешенной и увлеченной собственными кипящими эмоциями, что, кажется, витала высоко в облаках, не соприкасаясь с грязной реальностью и не замечая отвратительного фарса внизу. Казалось, ангелы нашептывали ей принципы жизни. Даже первое объяснение в любви она написала стихами – пушкинской строфой. И не исключено, что носящуюся

по волнам жизни, уже взрослую Галину спасли от повторения материнского сценария провозглашенные устами ее любимых книжных героев лозунги, прославлявшие традиционную праведную роль женщины в семье и обществе.

Пение стало неожиданной точкой приложения сил: Галина помнила отменные голоса матери и отца и с усердием и какой-то отрешенностью часто пела сама. Окружающие всегда поощряли ее, ловко задевая детское самолюбие. Первая премия за исполнение песен в первом классе – три метра ситца – оставила в глубинах души важную зацепку: такая специфическая деятельность может приносить одновременно моральное удовлетворение и средства для жизни и, не исключено, даже может стать делом жизни. Но тогда, в детстве, пение играло и совсем другую роль, гораздо более важную для того момента, потому что о будущем, конечно, никто всерьез не размышлял. Пение являлось одной из самых ярких составляющих воображаемого мира, в котором Галина пряталась. Этот мир, хоть и иллюзорный, был в десятки, в сотни раз привлекательнее существующего, и для ребенка это было важнее всего, поскольку стало спасительным лекарством для подраненной души. «Я любила пение и тот мир, который я чувствовала в себе и который создавала. Тот живой мир, который жил в моем воображении, который не мог быть фальшивым, ибо был нематериален и к нему нельзя было прикоснуться», – пожалуй, эти слова, сказанные спустя годы, объясняют многое в создании многоцветной картины мира в детстве и предопределения выбора.

Но, конечно, главным потрясением юности стала для Галины Вишневской блокада Ленинграда, которая бросила ее, четырнадцатилетнюю, в опасный и абсурдный мир взрослых, столкнув лицом к лицу с ужасами смерти, продемонстрировав постепенное, издевательское умирание плоти, процесс опускания, одеревенения душ и притупления чувств. Царство смерти, хаоса и человеческого падения заволочло ее сознание пеленой шока, который тоже может быть замедленным, расплывающимся, как вязкий кисель, но проникающим во все поры восприятия действительности. Невольное наблюдение за распадом общества и угасанием человека как хрупкой частички Природы сделали ее очень чувствительной к оценке человеческой сути, приблизили к пониманию истинных ценностей, резко отделив омерзительное в человеке от вечной тяги к чуду. Человеческая порядочность вдруг стала определяющим критерием. Близость смерти отдала ее от родителей и их модели отношений; война и блокада стали последней каплей, вызвавшей в душе гигантскую волну отчуждения. Более нейтральными остались чувства к матери, «кукушке без гнезда», которая «задолго до войны уехала с новым мужем на Дальний Восток». Через тринадцать лет, когда мать возвратилась в Ленинград умирать молодой от рака матки – вполне логичного завершения своей уродливой жизни, – дочь простила ее и отпустила с миром: добро к тому времени уже слишком глубоко проникло в ее сознание. Гораздо большую рану оставил отец. Это была мрачная суетливая тень у врат ее сознания. Он, казалось, напоминал о себе лишь для того, чтобы дочь не забывала о грязи в душах людей. Ибо он был худшим из людей, прикасавшихся к ее душе, и ни одно воспоминание об отце не имеет даже легкого оттенка теплоты, даже толики надежды на прощение...

Отпечаток родительской нелюбви долго оставался клеймом на душе Галины, это бремя выливалось в, казалось бы, легковесную погоню за манящими миражами. В юности девушка пыталась залечить рану, обрести утерянную материнскую ласку и ободрение отца. Сначала, еще семнадцатилетней девушкой, она бросилась в объятия молодого моряка: «в конце концов, мое одиночество привело меня к замужеству». Но при всей вопиющей неготовности мыслить и анализировать ситуацию самостоятельно Галина неожиданно проявила совершенно удивительную для столь юного возраста волю к независимости – она рассталась с первым мужем навсегда уже через два месяца совместной жизни. Решительность стала основной ее чертой, компенсируя инфантильность установок и неспособность осуществлять выбор партнера с учетом последующего развития событий и личностного роста. Последний

в ее жизни выбор сыграл, пожалуй, самую важную роль, так как стремление к развитию, росту обусловило переворот и в создании собственной семейной модели.

В то время как первая попытка создать семью являлась результатом мимолетного порыва эмоций, второе замужество в гораздо большей степени опиралось на доводы разума. Отвержение родительского формата отношений к моменту первого брака ничем, кроме книжных впечатлений, не могло быть заменено. Бабушка посеяла в душе девушки восхитительные зерна «правильного человека», не только с точки зрения общества, но и с учетом традиционной нравственной системы; но она ничего не поведала об успешном создании семейных уз, оставив это на попечение ослабленной сиротством интуиции. Все же показательным для этого периода жизни Галины было то, что она не искала амурных развлечений, а осознанно шла на построение семьи – серьезной ячейки в социальном пространстве, которая бы стала свидетельством ее взросления и состоятельности как социального элемента. Так же как и в будущей профессиональной деятельности, девушка жаждала быть кем-то, не желала мириться с пребыванием на обочине жизни, куда ее решительно вытолкнули несуровые родители.

Итак, союз со зрелым и солидным директором театра, в котором будущая певица заняла определенное место, ознаменовал «обретение того, чего у нее не было: дома и семьи». Во втором браке чувственность восемнадцатилетней Галины оказалась отброшена не столько за ненужность, сколько вследствие невозможности ее здорового проявления: мало ощущая волнение любви, она слишком остро чувствовала социальную тревожность и свое шаткое положение в советской мясорубке, которая мало-помалу становилась ей ненавистной. Ее муж, Марк Рубин, был на двадцать два года старше, и в объятия устроенного в жизни мужчины ее, еще духовно не созревшую, неискушенную девочку, толкало колющее, чисто женское желание очага. Но, лишенная любви в детстве, Галина не сообщает о возникновении пылких чувств – истинной страсти, кажется, между ними не было. Вакуум любви и ее заменитель в виде отцовской заботы и покровительства сразу стали самым узким местом нового брака, заложив под него бомбу замедленного действия. Кроме «дома и семьи», она, правда, получила определенные надежды на будущее: «у нас была общая работа, общие творческие интересы, мы не расставались ни на один день». Случается, что такие семьи живут долго и спокойно, но для этого нужны определенные предпосылки: высокое социальное положение мужчины, его умение сохранять собственные духовные и физические кондиции, а также известная духовная недоразвитость женщины при отсутствии у нее стремления к личностному росту. Ни одной из этих предпосылок во внешне стабильной семье Марка Рубина и Галины Вишневской не существовало. В действительности Марк оставался маленьким и блеклым человеком с полным отсутствием амбиций и неодолимой тягой к фейерверкам, к тому же мало понимавшим стремление жены достичь чего-либо помимо внешнего благополучия. У самой же Галины, навсегда уязвленной отчуждением родителей, был гигантский запас желания любить и быть любимой. Безудержный поиск и жажда блистать для многих, обрести любовь и поклонение всего мира – вот что могло стать компенсацией несложившегося детства.

В вихре неземной любви

Галина Вишневская, активно жертвуя всем, отдаваясь искусству, сделала ставку на развитие; ее же гражданский муж стоял на месте. Она по-прежнему желала стать кем-то, блистать для многих, возможно для всего мира; он же оставался обескураживающе удовлетворенным своей мещанской стабильностью. Через десять лет после начала совместного путешествия по жизни Марк казался ей не просто далеким, он был из другой жизни, невыносимо бесцветной, без запахов и остроты, совершенно прес-

ной и неприемлемой, схожей с обликом строившихся в то время хрущевки. Но самое главное, она отчетливо осознала, что Марк всегда был слишком далеко, а она не могла найти себя, прийти к собственному «я». И дело тут вовсе не в появлении на горизонте Ростроповича, проблема была глубже и серьезнее: в совместной жизни с Марком не было обоюдного духовного роста, не было и вовлечения его в ее жизнь, а ее – в его. Они проживали жизнь по-разному, словно шли параллельными тропами. Но еще хуже и фатальнее для их союза было то, что ее тропа вела вверх, а его – неизменно оставалась на одном уровне. Он безнадежно отстал и не хотел понимать этого; он упустил ее взлет, не социальный, ведущий на шикарные приемы с первыми лицами государства, а духовный. Он пропустил ее порыв, не принял участия в ее развитии, без сопротивления отпустил от сердца, и она легко выскользнула, словно птичка, впервые ощутившая силу своих окрепших крыльев, взмыла в небо, а он остался на земле...

Надежда обрести с Марком вечно ускользающую от нее любовь не оправдалась. Марк был достойным заменителем отца, которого у нее, по сути, никогда не было, и, наверное, поэтому они были вместе так долго. «Он всегда ко мне прекрасно относился, я от него никогда не слышала грубого слова, он был добрым, хорошим человеком, и мне было страшно больно наносить ему такой удар», – писала знаменитая певица спустя много лет. Но пристальный взгляд на этот странный союз двух совершенно разных людей говорил: их отношения были обречены с самого начала. И не только потому, что Марк упорно не хотел понимать утробного и кажущегося ему нелепым зова жены – достичь каких-то неведомых высот. Не осознал всех тех сумрачных потрясений ее детства, которые настойчиво толкали Галину на путь демонстративного самовыражения. Он не проникся ее устремлениями и при этом не имел собственных. Но главное – он позволил ей переживать тяжелую внутреннюю боль в одиночестве, когда умер их сын или когда она как одержимая искала себя, металась словно птица, охваченная жаждой свободы. Ну и, конечно, их угасающее и без того слабое чувство постепенно превратило семейные отношения в обыденность. На фоне ее роста и встреч с новыми, порой незаурядными и привлекательными мужчинами, при ее увлеченности жизнью, такое существование становилось невыносимым, и разрыв был делом времени. Кстати, полное отсутствие желания у Вишневецкой родить второго ребенка от этого мужчины, пожалуй, является наиболее показательным свидетельством отношения к нему. Но он и этого не сумел заметить или мирился с ее решительным и в чем-то несносным характером, надеясь на время, которое играло против него.

И вот Ростропович, ворвавшись в жизнь Галины Вишневецкой ураганным порывом, выхватил ее из привычной размеренной рутины, поставил точку на заурядной семейной жизни, вселил уверенность в новую, совершенно иную, бурлящую, как поток, реальность. Он сразу повел себя так, что стало ясно: на карту поставлено все, абсолютно все. Его отчаянные, на первый взгляд мальчишеские, порывы, постоянные подношения цветов, артистичное швыряние под ноги любимой пальто (чтобы она не становилась в грязь), блеск рыцарского поведения, может быть, даже вместе с шокирующими признаниями, – всего этого у нее доселе не было, и это пробудило ее чувственность и стало предвестником любви. Воздушность и сказочность происходящего околдовали увлекающуюся Вишневецкую. Ростропович, как воин в сверкающих доспехах, пробудил ее, словно царевну, оторвал от вечного сна, впустил в мертвое пространство тишины волнующую и прекрасную жизнь. Но в этом присутствовала и жесткая постановка вопроса – он хотел немедленно вовлечь ее в свою семью (представить матери и сестре, чтобы Галина не успела опомниться), у него абсолютно отсутствовали сомнения в правильности таких поступков, касающихся их общего будущего. Все это придало намерениям влюбленного музыканта серьезность и достоверность. Но главное, что она ощутила всем своим существом его колоссальную ответственность перед ней – то, на чем зиждется любой успешный брак.

Если первый брак Галины Вишневской был скорее актом отчаяния и намерением излечиться от патологического одиночества, второй – стремлением обрести четкую опору и спокойствие в образе придуманного отца-мужа, то третий – с Мстиславом Ростроповичем – впервые явился следствием любви и единства душ, объединенных одной мелодией. Но и этот брак был бы с легкостью разрушен Галиной Вишневской, если бы вдруг ее коленопреклонный рыцарь не оказался сильной личностью с крепчайшим духовным стержнем внутри. В сущности, оба к моменту встречи были еще незрелыми искателями, несмотря на достигнутое уже признание в искусстве. Мстислав Ростропович это осознал, а Вишневская – скрывала, возможно даже от себя самой. Сначала он увидел в ней просто ошеломляюще красивую женщину; то было время расцвета ее женственности, она уже блистала на правительственных приемах, а в кулуарах Большого театра даже ходила шутка, что «весной на Вишневскую тянет». Она увидела в порывистом, импульсивном и в чем-то одержимом молодом человеке подкупающие и причудливые замашки ухажера-аристократа, дворянина, человека редкой артистичности, которая была ей так близка. И если бы не одухотворенность и неугасимое стремление к саморазвитию, которые жили в них, эта связь так и осталась бы яркой вспышкой короткого увлечения в памяти каждого. Но именно неожиданное проявление завораживающей духовности предохранило этот союз и спасло его от разрушения, оно, при известной склонности Вишневской к флирту (следствием все того же ненасытного поиска любви, вынесенного из болезненного детства), стало преградой любым «антисемейным» настроениям.

Нельзя не отметить еще одну черту этого союза, которая, не исключено, имела фундаментальное значение. Речь идет о психотипах родителей Мстислава Ростроповича и его неосознанном стремлении подобрать себе психотип, соответствующий материнскому или максимально схожий с ним. Так, мать музыканта, по словам Галины Вишневской, «была сильна духом и семейством своим распоряжалась, как адмирал на флагманском корабле». Сама Галина, закаленная своей брошенностью, отчуждением родителей, блокадой в Ленинграде, послевоенной разрухой, всегда умела находить парадоксальные решения из безвыходных ситуаций. Она, в отличие от опекаемого мамой и сестрой младшего ребенка Славы, самостоятельно прошла более сложный, совершенно самостоятельный жизненный путь и была явно более сильной личностью, чем ее романтический избранник. Мстислав чувствовал ее внутренний запал, ее неисчерпаемые запасы силы и энергии и стремился к ней, увлекаемый не только страстью к красивой, роскошной женщине. Робкого мальчика, живущего в глубинах его естества, тянуло к ее материнской нежности, теплу ее всеобъемлющей натуры. У самой Вишневской, наоборот, сил было достаточно для двоих, но ее детские переживания с ущемленным желанием чувствовать любовь отца и любить самой стремились обрести нечто такое, что было бы антиподом ненавистного отца и в то же время вызывало бы любовные сотрясения души, способные залечить детскую рану. Любовь, уверения в том, что это чувство искреннее, возвышенное и, главное, не принесет мук отчуждения, которые дал ей отец, гнали Галину в объятия Ростроповича. Этот мужчина был не похож на отца всем, но особенно умением дарить любовь, и это в итоге явилось ключевым моментом при принятии решения и, само собой разумеется, основой дальнейшей жизни с ним. Кстати, пресловутая способность Галины Вишневской резко и немедленно разрывать отношения с мужчинами, с которыми она пыталась создать семью, также свидетельствует о силе ее женской натуры. И еще – об устойчивом желании, несмотря на ранние незрелые решения, испытать семейное счастье, которое втайне влечет каждого.

Взаимодействие, взаимный межличностный обмен на уровне эмоций, общее мировосприятие и духовное понимание окружающего, видимо, является важной особенностью союза Ростроповича и Вишневской. Каждому из них, вполне уверенно чувствующих себя в своей профессиональной сфере, не хватало интимного, душевного и чисто человеческого

общения. Их признание уже состоялось, каждый прошел тернистый путь самореализации и духовного роста, не только преодолев притяжение обыденности, но и оставив далеко позади ближайшее окружение. И все же они находились в какой-то эмоциональной пустыне, окутанные пеленой одиночества, лишённые духовной гармонии. В их жизнях, которых уже коснулись лучи славы, почти не было душевной теплоты и любви, отсутствовала страсть. Потому их встреча произошла как бы за пределами плоскости искусства, которому каждый оставался безмерно предан; их душевное единение, переросшее в эмоциональный взрыв, произошло совсем на другой планете. В результате осуществилось сцепление, как в шестерёночном механизме, тех частей личности каждого, которые отвечают за беспредельно тонкое, глубоко человеческое, упрятанное в душе. И уж только потом, много позже, они узнали иную, профессиональную сторону жизни друг друга, изумившись собственной славе не только в микросоциуме, но и во всей стране. Вот как об этом говорила Вишневская: «Не видя никогда друг друга на сцене, мы не создали никаких иллюзий в отношении друг друга. Наоборот, человеческое общение, не прикрытое блестящей театральной мишурой, выявило самые естественные и искренние стороны как его, так и моей натуры. Сюрпризом оказалось то, что он – большой музыкант, а я – хорошая певица». О чем идет речь? Не о том ли, что произошла встреча двух психологически зрелых личностей, потенциально способных любить и подсознательно стремящихся к любви. Каждому из них нужно было заполнить пустующее пространство в душе, и потому встреча произвела эффект молнии: вспыхнув, высветила, озарила все человеческое и земное, которого им до сих пор недоставало, заставив решительно устремиться навстречу друг другу.

Их профессиональная деятельность впоследствии только укрепила межличностные отношения, но никогда не ставилась выше семьи. Она лишь заняла место одной из форм общения, наполнив семью чувством завершенности и какой-то царственной харизмы, излучаемой во внешний мир. Те, кому казалось, что музыка и самовыражение Ростроповича и Вишневской в искусстве являются основой их союза, глубоко заблуждались. Музыка стала дополняющим штрихом и представила возможность находиться вместе, отдаваясь одному, понимаемому каждым делу. Объяснение этому феномену дала сама Вишневская: «Искусство наше существовало рядом, отдельно, и если нам случалось встречаться в нем – здесь было все далеко не так гладко, как в семейной жизни: слишком нетерпимы и индивидуальны оказались мы каждый в своем деле, и хорошо, что в первые годы нашей супружеской жизни мы редко выступали вместе». К словам певицы, пожалуй, следовало бы добавить, что обе личности, жаждущие саморазвития почти так же, как и любви, не только не препятствовали взлету друг друга, но и стимулировали его, ведь успехи одного лишь усиливали интерес к другому. Вместо ревности тут присутствовало искреннее восхищение, порожденное, конечно, уверенностью в себе и высокой собственной самооценкой, осознанием значения самореализации личности в жизни каждого и в жизни общей. Никто никого не сдерживал, предлагая лишь заботу, доверие, сопереживание, бережное отношение к внутреннему миру. Естественно, это было совсем иное явление, нежели безропотное молчаливое наблюдение Марка за ростом жены; тут присутствовало совпадение образов: сначала на психологическом, эмоциональном уровне, затем с восторгом обнаруженное соответствие в плоскости самореализации. Каждый из них оставался самодостаточной, сильной и насыщенной энергией натурой. И то, что две глубокие личности наладили меж собой энергетический обмен и поделились духовной силой, породило могучий союз, неординарное для советского режима явление, отдававшееся гулким эхом в коридорах его монументальных строений.

Отношение у этой семьи к быту похоже на восприятие материального римским философом Сенекой Младшим: не брезговать роскошью, пользоваться благами, но сохранять воспитанную военным детством способность все с легкостью оставить. В один момент Ростропович и Вишневская, не задумываясь, пожертвовали ради духовного роста всеми при-

обретенными благами. Каждый из них был испытан на прочность военным временем, но не только поэтому они могли непринужденно перестроиться, отбросив слезные вздохи по утраченному уюту. Обывательское слюнтяйство было одинаково чуждо обоим, так как вместе они изначально были настроены на духовные ценности. И поскольку сама семья отнесена в этой системе к главным источникам духовной энергии, ее интересы защищались столь же ожесточенно, как если бы велась борьба за саму жизнь. Если человеку есть для ЧЕГО жить, он может вынести любое КАК, утверждал в свое время Фридрих Ницше. Этой паре было для чего жить, они не расплескали любовь и, объединившись, умножили оптимистическую веру в себя.

Неудивительно, что уже через несколько лет после выезда из СССР они имели собственные квартиры в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Лозанне и даже в финском городке Лаппенранта. А за коллекцию предметов русского искусства, которую после смерти Мстислава Ростроповича Галина Вишневская решила продать на аукционе, российский миллиардер выложил около \$ 72 млн. Но они никогда не переоценивали значение мягких диванов и венецианских зеркал; дети войны, они имели истинную шкалу ценностей в шатком мире преходящего, но при этом умело использовали материальные символы для показа стоимости своего искусства в привычном понимании обывателя.

Миссия в музыке или миссия посредством музыки

В них обоих присутствовала порода – прямое следствие их мировосприятия, нечто незримое, но наделенное энергетической составляющей, формирующее изолированность от внешнего мира даже при близком соприкосновении. Вместе они старались достойно выполнять свою миссию, будто намереваясь благодаря искусству приуменьшить долю абсурдности в трагикомическом движении человеческого общества. Их насыщенная эмоциями совместная жизнь в искусстве являлась проявлением высочайшего сопереживания, реализацией идеи равного взаимодействия и взаимного дополнения. Вклад и функции каждого почти невозможно разделить. Хотя каждый старательно брал на себя выполнение традиционных функций пола, в их семье умели сообща преодолевать любые трудности, у них было сходное отношение к рационализму и утилитарным ценностям. И все же самой выразительной чертой союза, отчетливо проступающей на размытом фоне советских семей, был сплав самобытных, совершенно неординарных характеров каждого – то, благодаря чему их семья так выделялась в своей среде и так запомнилась их современникам. Мстислав Ростропович остро чувствовал и не мог не использовать политический момент, и так было на протяжении всей жизни. Он всегда словно проверял, можно ли бесконечно проводить пальцем по отточенному лезвию без опасных последствий: то сам организовал знакомство с замкнутым и нелюдимым Солженицыным, то пригласил опального, но набирающего силу писателя пожить у них на даче, то отправлял телеграммы Брежневу, то, наконец, бросив все, в возрасте шестидесяти четырех лет рванул в Россию – защищать осажденный Белый дом и демократические ценности. Эти действия носили общественно-политический характер и придавали семье особый блеск, ибо они предполагали соучастие в жизни планеты; Ростропович, подобно дежурному врачу «скорой помощи», находился в постоянной готовности помочь окружающим.

И все-таки, даже при бросающейся в глаза активности мужа, именно Галина Вишневская оставалась в семье тем основополагающим и формообразующим элементом, который отвечает за ее выживание и здоровье. Ярче всего эта проникающая суть ее уникального характера проявилась, когда семья очутилась в творческой блокаде. В то время, когда неумный талант Ростроповича начал растворяться в невыразимых муках неволевого неостребованности, ее воля включилась в поиск оптимального решения, как вступает в действие система самонаве-

дения ищущей цель ракеты. «Знаю, что случилось бы, останься мы тогда в Москве. Ростроповича не было бы вообще – это точно. Он бы либо спился, либо покончил с собой, и я потеряла бы мужа, семью», – утверждала певица через много лет после драматических событий изгнания. Именно она создала парадигму выживания семьи в меняющемся мире, почти навязав ее угнетенному действительностью мужу. К тому же она обладала еще одним феноменальным качеством, сформировавшимся в детстве как результат ответа искореженной психики на разрушительное воздействие со стороны близких людей. Она научилась решительно вытеснять из души все отравляющее радость бытия. Сначала она вытеснила родителей, которые бросили ее на произвол судьбы. Причем отца, черным вороном наблюдавшего за способностью дочери выживать, она «вычеркнула из своей жизни раз и навсегда». То же с первым и вторым мужьями, которые встали на ее пути самореализации. То же случилось с друзьями, оставшимися по другую сторону баррикад. То же стало и с родиной. «...У меня не было никакой тоски по березкам, матрешкам и резным оконцам. Никакой. Я знала, что никогда не увижу своей родины. И приняла это как данность, жесткую, несправедливую, но неизбежную». В этих словах певицы, относимых к любому враждебному пространству для своей личности и своей семьи, содержится точный рецепт стойкости и выживания, способности философски оценивать настоящее и уверенно двигаться в будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.